

ХРОНИКИ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

КНИГА II:
ШТОРМ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

УСТИНОВ МАКСИМ

Максим Устинов
ХРОНИКИ ЭГЕЙСКОГО
МОРЕЯ КНИГА II:
Шторм приближается

*<https://litres.ru/74138424>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Хроники Эгейского Моря. Книга 2: Шторм приближается» — продолжение эпической истории о древних тайнах, проклятом золоте и столкновении смертных с волей богов. На фоне гибели великого города разворачиваются предательство, испытание верности и роковой шторм, который навсегда изменит судьбы героев.

Содержание

Глава 25 ГОРОД ПОД ВОДОЙ	4
Глава 26 ТРОН МОРСКОГО БОГА	97
Глава 27 СОКРОВИЩА ПОГИБШИХ ЦАРСТВ	109
Глава 28 - КРАЖА ВЕКА	118
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Максим Устинов

ХРОНИКИ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ КНИГА II: Шторм приближается

Глава 25 ГОРОД ПОД ВОДОЙ

Море шумело так же, как шумело минуту назад. так же кричали чайки, так же скрипели снасти в гавани, но почему-то всё вокруг вдруг стало другим.

Лисандр не мог объяснить почему. Так иногда бывает перед бурей. Небо ещё ясное, ветер ещё спокойный, но каждый моряк уже чувствует: что-то изменилось.

— Кто именно почувствовал?

Спросил Аристей.

Филимон не ответил, он смотрел на север, туда, где за туманной линией горизонта скрывалось море. Старый штурман выглядел человеком, который услышал шаги давно забытого врага.

— Нам нужно уходить.

Сказал он.

— Куда?

— К воротам.

Лисандр устало потёр лицо.

— Снова ворота, прекрасно, все знают про ворота, все знают про золото, все знают про монету, кроме меня.

— Не только кроме тебя.

Спокойно произнесла Каллиста. Она стояла чуть поодаль. Ветер перебирал её длинные медные волосы, бирюзовые глаза были устремлены в море.

— Я тоже знаю далеко не всё.

Лисандр посмотрел на неё.

— Это почему-то совсем не успокаивает.

На этот раз уголки её губ едва заметно дрогнули.

— Меня редко используют для успокоения людей.

Дамон громко хмыкнул.

— Это правда.

— Спасибо, Дамон.

— Всегда пожалуйста.

Несколько секунд напряжение немного ослабло, но только на несколько секунд, потому что затем произошло нечто странное. Сначала море возле скал начало темнеть, будто под водой проплывала огромная тень, потом ещё одна и ещё. Волны вдруг стали двигаться иначе- не к берегу, не от берега, а по кругу, словно вода медленно вращалась вокруг чего-то невидимого.

Лисандр мгновенно перестал улыбаться.

— Вы это видите?

— Да.

Тихо ответил Филимон.

— И мне это не нравится.

— Мне тоже.

Сказал Аристей.

— А что именно происходит?

Филимон долго молчал и после произнёс:

— Поднимается дорога.

Никто ничего не понял, но уже через несколько мгновений море само начало объяснять его слова. Из воды показался первый камень, огромная тёмная плита, покрытая водорослями, ракушками, следами столетий. Затем рядом поднялась вторая, потом третья, потом десятки других, будто сама морская бездна медленно открывала проход, который веками скрывала от людей.

Толпа никуда не исчезла. Люди всё ещё стояли на площади. Те самые люди: старики, женщины, рыбаки, ремесленники- самые обычные на вид.

Но Лисандр всё сильнее ощущал странное несоответствие, они наблюдали за происходящим так спокойно, словно уже знали, что увидят дальше, будто представление началось раньше и только гости острова ещё не понимали своей роли.

Лисандр же смотрел совсем иначе, как человек, который внезапно увидел дверь в легенду. Он стоял и не мог подобрать ни одной шутки, потому что посреди моря действи-

тельно появлялась дорога и вела она туда, куда ещё вчера он бы не поверил. Вела она в город, который уже тысячу лет должен был оставаться на дне, а вода продолжала отступать. Словно само море неохотно освобождало путь к золоту Посейдона.

Дорога продолжала медленно подниматься из моря. Не вся сразу, словно кто-то невидимый по одному камню возвращал её миру людей. Тёмные плиты, покрытые раковинами и зелёными водорослями, одна за другой показывались из воды. Между ними ещё плескались волны, но уже было видно: это не случайные скалы.

Это была настоящая мостовая широкая настолько, что по ней могли разъехаться две колесницы. Лисандр медленно присел на корточки и коснулся ближайшего камня. Пальцы ощутили холод, совсем иной, чем у морской воды. Камень казался живым, будто всё это время он не спал, а просто ждал.

— Сколько ей лет?

Тихо спросил он.

Филимон покачал головой.

— Никто не знает.

— Ты же был здесь.

— Был.

— Тогда почему не знаешь?

Старый штурман провёл ладонью по бороде.

— Потому что в первый раз она выглядела иначе.

Лисандр поднял голову.

— Дорога меняется?

— Не только дорога.

После этих слов даже Каллиста повернулась к Филимону.

— Значит рассказы были правдой?

Филимон усмехнулся.

— Какая именно часть?

— Что море не отдаёт дважды одно и то же.

Старый штурман долго смотрел на поднимающуюся мостовую.

— Тогда я думал, что это красивая легенда. Теперь знаю

— предупреждение.

Позади них никто не произнёс ни слова. Жители острова стояли неподвижно, как зрители, уже видевшие этот спектакль. Лисандр поймал взгляд той самой девочки. Она смотрела не на дорогу, она смотрела на него, словно проверяла, выдержит ли.

Новая плита поднялась из воды. Потом ещё одна, потом ещё и вдруг... Все услышали звук, не удар, не грохот, а протяжный скрежет камня о камень. Так могли открываться гигантские ворота или просыпаться целые горы.

Дамон медленно положил ладонь на рукоять меча.

— Там кто-то есть.

Аристей посмотрел вперёд.

— Видишь?

— Нет.

— Тогда почему сказал?

Дамон не отвёл взгляда от горизонта.

— Потому что никогда не бывает дорог без тех, кто их охраняет.

Каллиста неожиданно шагнула вперёд. Совсем немного ветер тронул её волосы, она закрыла глаза, вслушиваясь. Лисандр уже видел её такой, когда она пыталась услышать не шум волн..., а то, что скрывалось за ними. Через несколько долгих секунд она открыла глаза.

— Это не Талласия.

Все одновременно посмотрели на неё.

— Что?

— Это не дорога к Талласии.

Филимон впервые за долгое время облегчённо выдохнул.

— Значит, ты тоже поняла.

Лисандр перевёл взгляд с неё на старого штурмана.

— Тогда куда она ведёт?

Филимон молчал очень долго, словно даже теперь не хотел произносить это вслух.

Потом тихо сказал:

— Талласия была городом людей.

Он сделал паузу.

— А впереди...

Старый штурман посмотрел туда, где море продолжало расступаться.

— Впереди место, куда люди никогда не должны были по-

пасть. И именно поэтому Посейдон спрятал его раньше, чем утопил Талласию.

По спине Лисандра пробежал холод. Не потому, что впереди ждала опасность - к опасности он привык. Его испугала другая мысль: Если даже Талласия была лишь городом смертных... То что же тогда скрывает море, если сам Посейдон решил спрятать это место даже от царей, которых собирался наказать?

Филимон первым ступил на древнюю мостовую. Камень не издал ни звука, словно принял его. Следом осторожно пошёл Дамон, потом Аристей, Каллиста, последним шагнул Лисандр.

Едва подошва его сапога коснулась мокрой плиты, как где-то впереди снова раздался тот самый протяжный скрежет.

На этот раз гораздо ближе.

Будто сама дорога почувствовала ещё одного путника.

Лисандр невольно посмотрел под ноги.

— Не нравится мне это.

— И правильно.

Спокойно ответил Филимон.

— Эта дорога не любит самоуверенных.

— Тогда она ошиблась адресом.

Усмехнулся Лисандр.

— Я вообще образец скромности.

Дамон даже не обернулся.

— Если бы скромность можно было продавать, ты умер бы с голоду.

Лисандр уже собирался ответить, но внезапно земля под ними едва заметно дрогнула. Не вся дорога, лишь одна плита, та самая, на которой он стоял. Камень медленно совсем немного ушёл вниз на ширину ладони. И сразу впереди с тяжёлым грохотом из воды поднялись три огромные колонны. Это было настолько быстро, что брызги долетели даже до героев. Все одновременно остановились, дорога оказалась разрезанной. Между колоннами открылась широкая трещина. В ней не было видно дна, только чёрная вода.

Лисандр осторожно заглянул вниз. Вода была совершенно неподвижной, именно это испугало его сильнее всего, море никогда не бывает неподвижным. Никогда.

Каллиста тоже смотрела вниз. Потом неожиданно опустилась на одно колено, провела пальцами по древнему камню, закрыла глаза. Через несколько секунд произнесла почти шёпотом:

— Это не ловушка.

— Тогда что?

Спросил Аристей.

Она открыла глаза.

— Кто-то задал вопрос.

Лисандр посмотрел на неё так, словно впервые услышал бессмыслицу даже по её меркам.

— Дорога?

— Нет.

Ответила Каллиста.

— Тот, кто её строил.

Повисла тишина, потом из глубины трещины поднялся голос. Голос был не громкий, совсем наоборот - старый. Он казался настолько старым, что казалось, его слова сначала проходят через толщу веков и лишь потом становятся звуком.

— Назовите имя...

Голос оборвался, будто вспоминал язык, на котором когда-то говорили люди.

И повторил уже отчётливее:

— Кто идёт дорогой Морского Царя?

Все молчали, потому что все понимали: ошибиться сейчас означало не просто погибнуть. Ошибиться означало навсегда остаться частью этой дороги.

Голос растворился в тишине, но сама тишина уже не была прежней. Она словно ждала ответа.

Лисандр первым нарушил молчание.

— Если это ещё один старик, который любит загадки, предупреждаю сразу: сегодня у меня настроение не самое подходящее.

Никто не улыбнулся. Филимон медленно снял с головы капюшон.

— Не шути.

— Почему?

— Потому что он слышит.

— Кто?

— Всё.

Не успел Лисандр переспросить, как одна из колонн дрогнула, по её поверхности прошла глубокая трещина, из неё посыпался песок. Нет, не песок, это была мелкая белая пыль. Она медленно осыпалась на мостовую, пока внутри колонны не показалась каменная рука, потом плечо, потом голова, словно сама колонна рождала человека. Через несколько мгновений перед ними уже стояла огромная фигура. Почти в три человеческих роста. Воин, высеченный из серого камня. На его груди — следы времени, на лице — ни гнева, ни ярости, только полное безразличие, вместо глаз — два тёмных сапфира. Они вспыхнули одновременно.

— Назовите себя.

Голос раздался не из его рта, казалось, говорила сама дорога.

Аристей машинально сделал шаг вперёд.

— Я...

Филимон резко вытянул руку, преграждая ему путь.

— Нет.

— Почему?

— Он спросил не имя, он спросил, кто мы.

Лисандр нахмурился.

— Это одно и то же.

— Нет.

Тихо сказала Каллиста.

— Совсем не одно и то же.

Каменный страж терпеливо ждал, не двигался, казалось что все вокруг замерло и даже море вокруг будто перестало шуметь.

Дамон вдруг произнёс:

— Если это испытание, значит существует правильный ответ.

— Или неправильный.

Заметил Лисандр.

Филимон покачал головой.

— Есть хуже.

— Что?

— Ответить честно.

Морской Лис посмотрел на старика.

— Это сейчас звучит крайне подозрительно.

Филимон не отвёл взгляда.

— Представь. Ты говоришь: "Я вор.". Как ты думаешь...дорога к сокровищам пропустит вора?

Лисандр усмехнулся.

— А если соврать?

Именно этого словно ждал каменный воин, сапфиры в его глазах вспыхнули ярче. Трещина под ногами героев мгновенно расширилась, из глубины вырвался поток ледяного воздуха, настолько холодного, что у всех одновременно перехватило дыхание.

Каллиста резко подняла голову.

— Не смей.

— Что?

— Здесь нельзя даже думать о лжи.

Лисандр почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Впервые в жизни он оказался в месте, где ложь, похоже, становилась поступком ещё до того, как была произнесена вслух.

Каменный страж вновь заговорил. Теперь его голос звучал еще медленнее, словно давая последний шанс.

— Кто... идёт... дорогой... Морского... Царя?

Лисандр смотрел на бездонную трещину, на неподвижное море, на огромного стража и вдруг понял одну вещь. Эта дорога вовсе не спрашивает их имена. Она пытается понять... имеют ли они право сделать следующий шаг. Никто не ответил, даже ветер словно перестал существовать. Каменный страж продолжал смотреть на людей неподвижными сапфировыми глазами. Он не торопил, не угрожал, не делал ни единого движения, именно это пугало сильнее всего.

Лисандр никогда не доверял тем, кто не спешит. Такие люди обычно уже знают исход разговора.

— Если он собирается стоять так до вечера

Начал Морской Лис и в ту же секунду одна из плит под ногами Аристея исчезла, не раскололась, не провалилась, она просто ушла вниз, будто её никогда не существовало. Аристей успел лишь коротко вскрикнуть. Край дороги ушёл из-под ног. Тело накренилось. Руки отчаянно попытались ухва-

титься за воздух.

— АРИСТЕЙ!

Дамон бросился вперёд, но не успел.

Лисандр прыгнул раньше, не думая, так же, как когда-то перепрыгивал крыши портовых складов. Он успел схватить Аристея за запястье. Рывок оказался таким сильным, что самого Лисандра бросило животом на мокрый камень. Пальцы скользнули, кожа мгновенно содралась о древнюю плиту.

Под ними открывалась бездна, не море, не вода, что-то гораздо глубже, словно сама ночь разверзлась под дорогой. Из темноты медленно поднимался холод: тяжёлый, почти осязаемый.

— Не отпускай

Прохрипел Аристей.

Лисандр только крепче сжал руку друга.

— Даже не мечтай.

Ты мне ещё должен две серебряные драхмы.

— Сейчас самое время

Выдавил Аристей.

— Вспоминать Долги

— Именно сейчас! Потому что если сорвёшься Мне придётся искать другого должника.

Дамон уже лёг рядом. Одной рукой ухватил Лисандра за пояс, другой вцепился в древнее кольцо, вмурованное в камень. Каллиста мгновенно сняла с плеч длинный кожаный ремень, за считанные мгновения обмотала им руку Аристея.

Филимон тем временем даже не смотрел на падающего, он смотрел на каменного стража и лицо его становилось всё бледнее.

— Нет

Тихо сказал он.

— Нет

Только не это

Лисандр поднял голову.

— Может, потом объяснишь?! Мы сейчас немного заняты!

Но старик словно не слышал. Он продолжал смотреть только на стража.

Потому что тотулыбнулся совсем немного, едва заметно, но это была первая эмоция, появившаяся на каменном лице. И в этот момент Филимон понял- Дорога вовсе не пыталась убить Аристия. Она наблюдала. Она проверяла не слова, не имена, не происхождение. Она смотрела, что выберет человек - Спасти товарища или отпустить его, чтобы спасти самого себя.

Медленно, с таким же тяжёлым скрежетом, как открывались колонны, исчезнувшая плита начала возвращаться на место, камень поднимался из глубины очень медленно, словно сама дорога уже получила ответ.

А голос, древний настолько, что казалось, его помнит само море, вновь разнёсся над мостовой.

— Первый шаг принят. Голос стих, но облегчения не на-

ступило, наоборот, казалось, сама дорога прислушивается к тем, кто осмелился сделать следующий вдох. Каменный страж медленно отступил назад, ровно настолько, чтобы освободить проход, ни больше, ни меньше. Его сапфировые глаза продолжали внимательно следить за каждым человеком.

Филимон первым понял.

— Не стойте.

Лисандр удивлённо посмотрел на него.

— Что?

— Испытание не закончилось.

Оно только разрешило нам идти дальше.

Они сделали ещё несколько шагов. Мостовая становилась шире. По обе стороны теперь поднимались полуразрушенные колоннады. Когда-то здесь, вероятно, шла главная дорога, теперь её поедали соль и время, иногда среди камней попадались статуи без лиц, без рук, без голов, как будто, кто-то специально лишил их возможности смотреть.

Лисандр остановился возле одной. На груди статуи сохранилась выбитая надпись. Почти вся исчезла, но осталось всего три слова. «...не бойся истины...» Остальное море стёрло века назад.

— Странно.

Произнёс он.

— Почему?

Спросила Каллиста.

— Все надписи предупреждают и ни одна не обещает награды.

Филимон тихо усмехнулся.

— Именно поэтому сюда почти никто не доходил.

Неожиданно впереди послышался звон: тонкий, чистый, будто где-то далеко ударили бронзовым молоточком по серебряной чаше. Один раз, потом второй, потом третий.

Каллиста мгновенно подняла голову.

— Вы слышали?

Дамон кивнул.

— Колокол?

— Нет.

Очень тихо ответила она.

— Это металл, но не человеческий.

Звон повторился и в тот же миг все статуи вдоль дороги одновременно повернули головы без единого скрипа, без движения камня, они простосмотрели теперь на путников.

Даже Лисандр перестал улыбаться.

— Мне показалось?

— Нет.

Ответил Дамон.

— Теперь они действительно смотрят.

Никто не заметил, что Филимон остановился, медленно снял перчатку, коснулся ближайшей колонны, закрыл глаза и прошептал:

— Мы перешли первую границу.

— Какую ещё границу?

Филимон открыл глаза.

— До сих пор нас испытывала дорога. Теперь...

Он посмотрел вперёд, туда, где древняя мостовая исчезала среди поднимающихся из моря зданий.

— Теперь за нами наблюдают те, кто её построил.

Лисандр машинально оглянулся назад. Остров уже почти исчез, жители превратились в маленькие неподвижные силуэты и вдруг он заметил одну странность, девочка всё ещё стояла на площади. Очень далеко. Но он был готов поклясться...Она улыбалась.

Словно заранее знала, что первое испытание окажется самым лёгким.

«Теперь за нами наблюдают те, кто её построил» -Слова Филимона ещё долго звучали в голове Лисандра. Никто не торопился говорить, даже море словно стало осторожнее. Оно больше не било волнами о камень, лишь медленно дышало где-то далеко под дорогой, будто огромное живое существо.

Чем дальше они шли, тем древнее становился мир вокруг. Исчезли следы человеческой жизни. Не было ни разбитых кувшинов, ни старых костров, ни обломков телег. Словно здесь никогда не жили обычные люди. Только белый камень. Высокие колонны. И бесконечные статуи: некоторые были выше корабельной мачты, некоторые почти скрывались под толщей известковых наростов, но каждая из них была обра-

цена лицом в одну сторону-Туда, куда шли путники.

Лисандр заметил это далеко не сразу. Сначала одна, потом вторая, потом десятки, потом сотни. Они не охраняли дорожку, они смотрели как судьи, как свидетели, как люди, давно вынесшие приговор.

— Мне не нравится, когда на меня так смотрят.

Негромко произнёс Лисандр.

— Почему?

Спросила Каллиста.

— Обычно после этого меня хотят либо повесить

Он бросил взгляд на очередную каменную фигуру.

— либо заставить платить.

Уголки её губ едва заметно дрогнули, но улыбка исчезла почти сразу, потому что впереди происходило что-то странное.

Воздух изменился. Не стал холоднее, не стал теплее, он словно стал тяжелее. Каждый вдох теперь давался с небольшим усилием, словно грудь постепенно наполнялась не воздухом, а морской водой. Даже Дамон нахмурился.

— Чувствуете?

Филимон лишь кивнул, он явно ожидал этого.

Ещё несколько шагов. И вдруг Лисандр услышал голос совсем рядом. Тихий. Очень знакомый.

— Ты опять проиграл.

Он резко обернулся. Никого. Голос прозвучал снова теперь слева.

— Говорил же тебе не связывайся с ними

У Морского Лиса похолодели пальцы. Этот голос невозможно было забыть, так говорил отец много лет назад до своей смерти.

— Лисандр?

Окликнула Каллиста.

Он не ответил, потому что впереди уже стоял человек высокий в старом плаще. Лицо скрывала тень, но Лисандр уже знал кто это.

— Нет

Едва слышно произнёс он.

— Этого не может быть.

Человек сделал шаг, и тень отступила. Это действительно был отец, такой, каким Лисандр запомнил его в последний день. Те же сильные руки, та же седина у висков, та же спокойная улыбка человека, который всегда находил правильные слова.

— Ты вырос.

Сказал он.

Лисандр не заметил, что сам сделал шаг навстречу. Позади Дамон внезапно схватил его за плечо.

— Не ходи.

Но Лисандр словно перестал слышать, перед ним больше не существовало ни дороги, ни моря, ни спутников, только человек, которого он мечтал увидеть всю жизнь.

— Ты ведь умер

Голос дрогнул впервые за многие годы.

Отец улыбнулся очень тепло.

— Разве?

— Я сам Я видел

— Ты видел то, что хотел увидеть.

Лисандр почувствовал, как внутри что-то ломается.

Воспоминания, которые десятилетиями казались незыблемыми, вдруг начали рассыпаться, словно старый известняк под ударами волн.

Филимон резко побледнел.

— Не слушай его!

Крик старика эхом прокатился между колоннами, но человек даже не повернул головы. Он смотрел только на Лисандра и говорил всё тем же спокойным голосом.

— Подойди. Нам осталось договорить. Всего несколько слов. Столько лет прошло Неужели ты уйдёшь снова?

Каллиста медленно закрыла глаза. Когда открыла их вновь, в бирюзовых зрачках не было ни удивления, ни страха, только понимание. Очень тихо, почти шёпотом, она произнесла:

— Афина Теперь я понимаю

Лисандр её уже не слышал. Он сделал ещё один шаг вперёд и только в последний миг Дамон заметил то, чего не видел никто другой. Тень человека не касалась земли, она уходила вниз прямо в чёрную воду под мостовой.

— Лисандр!

Но тот уже сделал ещё один шаг, потом второй. Между ними оставалось не больше трёх локтей. Теперь он видел лицо отца совершенно ясно, каждую морщину, каждый седой волос, даже старый шрам возле уха, который тот получил ещё до рождения сына. Таких подробностей не может придумать никакая иллюзия. Именно поэтому сердце Лисандра дрогнуло.

— Ты ведь всегда хотел спросить

Тихо произнёс отец.

— Почему я тогда не вернулся домой?

Лисандр застыл, этот вопрос жил в нём столько лет, что давно стал частью его самого. Он никогда никому его не давал. Никогда. Даже себе.

— Подойди. И я отвечу. Всего несколько шагов и ты наконец узнаешь правду.

Позади послышался голос Каллисты, она говорила спокойно, словно обращалась не к Лисандру, а к самой дороге.

— Это неправда.

Фигура не исчезла, даже не обернулась, только улыбнулась.

— Конечно неправда.

Сказал отец.

— Поэтому пусть сын сам решит.

Каллиста медленно подошла ближе не к Лисандру, к статуе без лица, положила ладонь на холодный камень, закрыла глаза. Когда она заговорила снова, её голос прозвучал совсем

иначе – глубже, словно через неё говорил кто-то ещё.

— Ты не можешь показать того, чего никогда не видел.

Фигура впервые дрогнула совсем немного.

— Ты можешь читать память. Но не сердце.

Лисандр непонимающе посмотрел на Каллисту. Она открыла глаза.

И впервые за всё время в них появился настоящий страх за него.

— Посмотри внимательно. Не на лицо, на взгляд.

Он не понимал, но всё же посмотрел, ещё раз. Долго. Очень долго. И вдруг почувствовал... что-то не так. Всего одну маленькую деталь, настолько маленькую, что обычный человек никогда бы её не заметил: Отец всегда смотрел прямо спокойно даже когда сердился, даже когда смеялся, даже перед смертью, а сейчас... Эти глаза всё время украдкой опускались ниже. Не на лицо Лисандра -на его шею, туда, где под рубахой висела древняя бронзовая монета.

Лисандр медленно поднял руку, коснулся диска и в тот же миг улыбка человека стала шире. Этого никогда не сделал бы отец. Зато так...улыбался торговец, тот самый, у которого когда-то оказался этот странный кошелек.

Внутри всё оборвалось. Не потому, что исчезла надежда - Хуже. Он понял, дорога вовсе не показывает прошлое, она ищет... за что можно ухватиться.

Лисандр сделал шаг назад очень медленно. Фигура тоже шагнула впервые и вместе с этим движением лицо начало

меняться. Седые волосы почернели, кожа покрылась трещинами, глаза стали пустыми, улыбка растянулась неестественно широко, словно кто-то плохо носил чужое лицо.

По мостовой прокатился тяжёлый каменный гул. Все безликие статуи одновременно повернули головы, теперь они смотрели уже не на путников, на существо, будто сами осуждали его.

И тогда древний голос снова прозвучал над дорогой теперь гораздо громче. Настолько громко, что вода под мостовой задрожала.

— Второй шаг начался.

Фигура мгновенно рассыпалась. Не исчезла. Именно рассыпалась тысячами чёрных капель. Они ударились о древние плиты. И вместо того чтобы растечься поползли к ногам путников слишком быстро для обычной воды.

Филимон побледнел.

— Назад! Не наступайте на них! Потому что это уже не воспоминания Это охотники.

Чёрные капли двигались беззвучно, не растекались, не прыгали, они скользили по древнему камню так плавно, словно мостовая сама несла их вперёд. Лисандр инстинктивно сделал шаг назад, капли мгновенно изменили направление, будто почувствовали движение.

— Они нас видят...

Прошептал он.

— Нет.

Тихо ответила Каллиста.

— Они чувствуют страх.

Дамон уже вытащил меч. Сталь с мягким звоном покинула ножны. Он шагнул вперёд. Клинок описал короткую дугу. Удар пришёлся точно в первую чёрную тень, но произошло невозможное. Лезвие прошло сквозь неё, словно через густой дым. Тень на мгновение распалась.....и сразу вновь собралась. Теперь их стало две.

Дамон впервые за долгое время удивился. По-настоящему.

— Меч бесполезен.

— Наоборот.

Негромко сказал Филимон.

— Теперь мы знаем правило.

— Какое ещё правило?!

— Всё, что ты пытаешься уничтожить силой...становится сильнее.

Словно подтверждая его слова, ещё две тени отделились от мостовой. Теперь их было уже четыре. Они двигались медленно, не торопились. будто прекрасно знали: убежать отсюда невозможно.

Лисандр почувствовал знакомое желание действовать, не думать, не ждать, что-нибудь сделать, хоть что-нибудь. Он схватил лежавший возле колонны камень и со всей силы бросил в ближайшую тень. Камень пролетел насквозь, но...тень даже не разделилась, она лишь слегка дрогнула.

— Значит...

Медленно произнёс Морской Лис.

— Им всё равно, чем в них бросать. А вот меч они считают нападением.

Филимон резко повернулся. В глазах старого штурмана впервые мелькнуло уважение.

— Продолжай думать.

Лисандр уже не слышал его. Он смотрел не на тени, на мостовую, на каждую плиту, на каждую трещину и вдруг понял - Капли не ползли хаотично, они двигались строго по древнему узору, высеченному в камне, тому самому, который сначала показался просто украшением.

— Нет...

Тихо сказал он.

— Это не орнамент.

Он опустился на колено, провёл пальцами по борозде. Она была идеально ровной. Слишком ровной для украшения.

— Это карта.

Все одновременно посмотрели вниз. Теперь увидели и они. Линии соединялись, пересекались, расходились, перед ними была не резьба, перед ними был план - Целый город, высеченный прямо в дороге.

Филимон шумно вдохнул.

— Невероятно...

— Что?

— Мы идём... не по дороге к городу. Мы идём... по самому городу.

Повисла тишина. Лисандр медленно поднял голову. Перед ним внезапно сложилась страшная картина: все колонны, все статуи, все площади, всё это...не было построено над морем. Когда-то это действительно были улицы. По ним ходили люди, бегали дети, торговцы спорили о цене рыбы, капитаны ругались в гавани. А теперь... Они шли по крышам, потому что настоящий город лежал гораздо глубже под ними, под толщей воды, под тысячами лет молчания.

И в этот самый миг чёрные тени остановились все одновременно, будто получили новый приказ. Затем медленно...очень медленно... начали поворачивать головы не к людям, а вниз к морю.

Каллиста побледнела.

— Они... кого-то разбудили.

Сначала никто ничего не услышал. Потом... Где-то далеко под водой раздался удар. Один глухой, полный силы. Такой звук мог бы издать исполин, если бы постучал кулаком изнутри по каменным воротам. Потом второй и третий. Каждый следующий был немного ближе предыдущего. а вместе с ударами... дрогнуло само море.

Первый удар поднял лёгкую рябь, второй заставил воду между древними колоннами покрыться длинными концентрическими кругами, третий...расколол тишину не громом, не взрывом, чем-то гораздо хуже. Тем звуком, который слы-

шит дерево за мгновение до того, как его вырывают с корнем. Вся мостовая под ногами дрогнула. Пыль, тысячелетиями лежавшая в трещинах между плитами, поднялась в воздух. Где-то далеко позади одна из статуй потеряла голову, камень упал на дорогу с тяжёлым гулом, но никто даже не обернулся. Все смотрели только вперёд, на море. Оно менялось.

Лисандр видел тысячи штормов, видел цунами, видел водовороты, видел, как море убивает корабли, но такого...не видел никогда.

Вода не волновалась. Она...расступалась очень медленно, будто под ней поднималось нечто огромное. Что-то настолько тяжёлое, что сам океан вынужден был уступать ему дорогу.

Филимон прошептал так тихо, что слова едва удалось разобрать:

— Не смотрите долго.

— Почему?

Спросил Дамон.

Старик ответил не сразу. Он продолжал смотреть туда, где вода уже образовала идеально ровный круг.

— Потому что некоторые вещи... начинают замечать, когда на них слишком долго смотрят.

Лисандр хотел пошутить, но понял, что не может, горло неожиданно пересохло, слова словно застряли где-то внутри. Такого с ним не случалось даже перед самыми тяжёлы-

ми боями. Он чувствовал... не страх. Нет, это был не он, страх можно победить, это было другое чувство, как будто весь привычный мир оказался слишком маленьким. А настоящий... только сейчас начал перед ним открываться. Из глубины поднялся ещё один звук, не удар, не рёв, скорее... глубокий вдох, будто кто-то, спавший многие столетия, впервые наполнил лёгкие воздухом.

После него море стало совершенно неподвижным: чайки исчезли, ветер замолчал.

И тогда произошло то, чего никто из них не ожидал. Из воды показалась рука. Не человеческая -каменная, исполинская. Пальцы были толщиной с корабельные мачты. Они медленно легли на край огромной плиты, скрытой под водой. Камень застонал. С него посыпались кораллы, раковины, слои известняка, словно сама история осыпалась вниз. Следом появилась вторая рука. Потом...огромные плечи. Но выше существо так и не поднялось. Оно словно продолжало сидеть в бездонной тьме, скрытой под морем. На поверхности оказалась лишь верхняя часть исполинской фигуры. Головы не было.

Там, где когда-то должна была быть голова, зиял идеально ровный излом, будто её отсекли одним ударом. Очень давно. Очень огромным мечом.

Калиста невольно отступила назад.

— Это невозможно...

Филимон покачал головой.

— Нет.

Самое страшное...возможно.

Исполин не двигался, не смотрел, не пытался подняться, он просто... держал древнюю плиту обеими руками, словно не позволял чему-то выбраться наружу.

Лисандр медленно перевёл взгляд ниже и понял, то, что они принимали за широкую площадь...оказалось крышкой -огромной каменной крышкой. Настолько большой, что на ней спокойно помещался целый город. Все эти дороги, колонны, статуи, площади.

Это была не вершина древнего города, это был замок. Печать, созданная не для того, чтобы защищать сокровища, а чтобы...не выпускать их.

И впервые за всё путешествие Морской Лис подумал не о золоте, не о славе, не о легенде.

Он посмотрел на Филимона и очень тихо спросил:

— Скажи честноМы пришли украсть сокровища или случайно стоим на двери, которую кто-то запер изнутри?

Филимон долго молчал.

А потом ответил словами, от которых холод прошёл по спине даже у Дамона.

— Именно этоя и боялся узнать всю свою жизнь.

Филимон не договорил. Никто уже не слушал его, потому что исполин...шевельнулся совсем немного: не плечами, не руками, пальцами. Каменные пальцы, покрытые кораллами и раковинами, медленно сжались вокруг огромной пли-

ты. Раздался звук. Так трещит айсберг перед тем, как расколоться пополам. Море ответило низким гулом.

— Он...жив?

Едва слышно спросил Дамон.

Филимон отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Тогда что мы сейчас видим?

Старик долго молчал.

Словно сам боялся произнести ответ.

— Наказание.

Лисандр непонимающе посмотрел на него.

— Чьё?

— Его.

Филимон медленно поднял руку, указал на исполина.

— Посмотрите внимательно не на руки, на запястья.

Только теперь они заметили, камень скрывал их почти полностью, вокруг обеих рук проходили огромные кольца из чёрного камня. На каждом были выбиты незнакомые знаки. Старше любых букв, старше любого царства. Они не удерживали исполина силой, они...врастали в него, будто были частью его собственного тела.

— Он прикован.

Тихо сказала Каллиста.

Филимон кивнул.

— Уже очень давно.

— Кем?

Спросил Лисандр.

Старик посмотрел на море.

— Не знаю. И если честно...не хочу знать.

Исполин снова пошевелился на этот раз медленнее, он словно пытался поднять голову, которой не существовало. Это движение оказалось настолько человеческим..., что Лисандр неожиданно почувствовал жалость. Не страх - именно жалость.

— Он страдает.

Произнёс Морской Лис.

Филимон резко повернулся.

— Никогда... Никогда не жалею того, кого заперли сами боги.

В этот миг исполин разжал немного пальцы, ровно настолько, чтобы между каменной ладонью и огромной плитой появилась узкая щель. Из неё вырвался поток чёрной воды - не морской, она была слишком густой, слишком тёмной, с слишком...живой. Она не растекалась, она поднималась прямо в воздух, словно дым. Только вместо того чтобы исчезнуть...принимала форму: сначала одну, другую, ..десятую. Перед путниками возникли человеческие силуэты полупрозрачные, будто сотканные из самой ночи.

На каждом были остатки древних доспехов. У некоторых не хватало рук, у других — половины лица, но все они держали оружие. И все одновременно сделали один шаг вперёд.

Лисандр машинально потянулся к мечу, но Филимон

остановил его настолько резко, что Морской Лис удивлённо посмотрел на старика.

— Не смей.

— Почему?

— Потому что они не пришли сражаться.

Один из призрачных воинов остановился всего в нескольких шагах. Поднял голову. Там, где должны были быть глаза, зияла чёрная пустота. Его голос прозвучал удивительно спокойно: без угрозы, без ярости, без ненависти.

— Назовите...имена.

Повисла тишина. Лисандр уже хотел ответить, но Филимон неожиданно шагнул вперёд. Лицо старого штурмана стало белым. Он смотрел на призрака так, словно увидел не врага...а старого знакомого и очень тихо произнёс:

— Нет...Не снова...Только не этот суд...

Слова Филимона прозвучали так тихо, что ветер почти унёс их в сторону моря, но призрачные воины услышали. Все одновременно подняли головы и сделали ещё один шаг, не меняя скорости и направления, будто само время здесь двигалось по чужим законам.

Первый воин вновь заговорил, на этот раз голос звучал гораздо отчётливее. Не человеческий. Слишком глубокий. Слово каждое слово рождалось где-то под толщей воды.

— Назовитеименане прозвища.

Лисандр нахмурился.

— Разве это имеет значение?

Воин не ответил, только повторил:

— Имя.

Филимон тяжело закрыл глаза.

— Отвечайте.

— Да что происходит?!

Старик медленно посмотрел на него.

— Здесь нельзя солгать. Не потому, что они узнают ложь, потому что сама дорога перестанет тебя помнить.

Лисандр усмехнулся по привычке. но улыбка вышла натянутой.

— Ладно Меня зовут

Он уже хотел произнести привычное: «Морской Лис» и вдруг понял. Это действительно прозвище. Он произносил его чаще собственного имени. Люди в портах давно забыли, как его зовут, даже он сам иногда думал о себе именно так - Морской Лис - Не Лисандр.

— Лисандр.

Произнёс он наконец и произошло странное. Один из призрачных воинов медленно склонил голову, будто услышал именно то, что ожидал.

Следующим шагнул Дамон. Он даже не задумался.

— Дамон.

Сын Леонта, бывший воин Аргоса. Его голос прозвучал спокойно, ровно. Так отвечают люди, которым нечего стыдиться. Призрак также молча наклонил голову.

Каллиста стояла неподвижно очень долго. Лисандр впер-

вые увидел, что она действительно колеблется.

— Каллиста.

Сказала она наконец и сразу добавила:

— Дочери у моря нет. Поэтому отца у меня тоже нет.

На мгновение среди призрачных воинов словно пробежала рябь. Один из них поднял лицо впервые и очень внимательно посмотрел именно на неё, но затем тоже склонил голову.

Аристей стоял и как будто ждал своей очереди. Молодой моряк сделал шаг вперёд без колебаний. Он не выглядел героем, не выглядел мудрецом, не выглядел человеком, о котором будут складывать песни — просто человек, друг, один из тех редких людей, рядом с которыми можно молчать целый день и не чувствовать неловкости. Он спокойно посмотрел в пустые глазницы призрачного воина.

— Аристей.

Немного подумал и добавил:

— Сын Никомаха. Больше сказать мне нечего. Я никогда не искал другого имени.

Призрачный воин долго смотрел на него, потом медленно опустил оружие и впервые за всё время над дорогой прозвучало слово:

— Достаточно.

Лисандр удивлённо посмотрел на друга, почему-то именно этот короткий ответ показался ему самым тяжёлым, потому что Аристей действительно нечего было скрывать. Он

прожил жизнь под собственным именем и никогда не пытался стать кем-то другим.

После этого наступила тишина. Теперь...

Остался только Филимон. Старик не двигался совсем, словно ноги перестали ему принадлежать. Первый воин сделал ещё один шаг. Теперь между ними оставалось меньше локтя.

— Назови имя.

Филимон молчал, Лисандр почувствовал, как внутри нарастает тревога.

— Старик Что с тобой?

Ответа не последовало. Только спустя несколько долгих мгновений Филимон медленно поднял голову и впервые за всё путешествие Лисандр увидел на его лице настоящий страх: не осторожность, не тревогу, не уважение перед древними силами - страх человека, который слишком долго убегал от собственного прошлого.

— Моё имя

Он остановился, сделал вдох, будто собирался нырнуть в ледяную воду.

— ...Филемон Но Это имя я ношу только последние сорок лет.

На мостовой воцарилась абсолютная тишина, даже море перестало дышать.

Лисандр резко повернулся к старику.

— Что значит последние сорок лет?

Филимон закрыл глаза, очень медленно произнёс:

— Потому что родился я под другим именем и именно за нимони пришли.

Все призрачные воины одновременно поднимали оружие, не угрожая, а словно приветствуя давно потерянного человека. И древний голос вновь разнёсся над затопленным городом, на этот раз он обращался только к одному человеку.

— Мы помним тебя Архонт

Лисандр почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он медленно посмотрел на старика, потом снова на призраков. Он понял одну простую вещь — он почти ничего не знает о человеке, которому доверил свою жизнь.

Никто не произнёс ни слова — даже Лисандр. Хотя вопросов у него сейчас было больше, чем за всё путешествие. Архонт? Старик? Филимон? Эти слова никак не складывались рядом.

Филимон медленно опустил голову, так опускают её люди, которым больше незачем притворяться. Его плечи словно стали тяжелее, сутулость, которую Лисандр всегда принимал за возраст, вдруг показалась совсем другой. Это была не старость — ношей, которую человек несёт слишком долго.

— Значит... Вы всё-таки помните.

Произнёс он едва слышно.

Первый призрачный воин сделал шаг, затем второй. Остальные не двигались. Они словно понимали, что дальше говорить будет только один.

— Мы...помним...всех...кто...судил...город.

От этих слов даже Каллиста вздрогнула. Лисандр резко посмотрел на Филимона.

— Судил?

Старик не ответил.

— Нет.

Тихо произнёс он наконец.

— Не судил. Подписал.

Морской Лис непонимающе нахмурился.

— Что подписал?

Филимон поднял глаза. В них больше не осталось привычной мягкости. Перед ними стоял совсем другой человек.

— Приговор.

Тишина стала почти осязаемой, даже призрачные воины больше не двигались, будто ждали.

— Ты...был архонтом?

Очень медленно спросил Дамон.

Филимон покачал головой.

— Нет. Архонтов было двенадцать, я был самым молодым. Мне тогда едва исполнилось двадцать семь. Я отвечал за гавань, за торговлю, за корабли.

Он усмехнулся, но в этой улыбке не было ни капли радости.

— Забавно. Всю жизнь я пытался забыть именно море, а оно всё равно нашло меня.

Лисандр смотрел на него так, словно видел впервые.

— Почему ты никогда не рассказывал?

Старик долго молчал, потом очень спокойно ответил:

— Потому что человек имеет право молчать о том дне, когда собственноручно похоронил свой город.

Эти слова ударили сильнее любого крика. Никто из друзей не нашёлся что сказать. Первый призрачный воин вновь поднял оружие, но теперь оно было направлено не на Филимона, на землю. Лезвие медленно коснулось древней мостовой. Раздался негромкий звон, словно открылся невидимый замок, каменные плиты перед путниками начали расходиться. Не ломаясь. Не крошась. Они двигались так точно, будто их приводил в действие механизм, который ни разу не ошибся за тысячу лет. Между ними открылась узкая лестница, она уходила вниз, туда, где под толщей моря скрывался настоящий город.

Из глубины пахнуло холодом. Пахло не сыростью, не водорослями - а временем. Воздух был настолько древним, что казалось, его не касалось ни одно человеческое дыхание.

Первый призрачный воин отступил в сторону. И древний голос произнёс уже без угрозы.

Почти торжественно.

— Первый...суд...окончен. Второй...ожидает...внизу.

Лисандр посмотрел на тёмный провал, потом на Филимона.

— Ты знаешь, что нас там ждёт?

Старик очень медленно кивнул.

— Нет. Именно поэтому...я боялся возвращаться сюда всю жизнь.

Филимон ещё долго смотрел в чёрный проём, так долго, будто пытался разглядеть там не лестницу - прошлое. Потом медленно выдохнул.

— Раз открылась...значит, выбора у нас больше нет.

Он сделал шаг к самому краю и осторожно поставил ногу на первую ступень. Ничего. Старый камень даже не скрипнул. Филимон перенёс вес тела вперёд, вторую ногу. В этот миг...лестница исчезла. Не обрушилась, не провалилась, она просто растворилась под его ногами, будто её никогда не существовало.

Филимон резко отшатнулся. Ещё мгновение —и он сорвался бы в чёрную бездну. Дамон успел схватить его за плечо, рывком вернул обратно. Старик тяжело опустился на колени, несколько секунд молчал. Потом тихо произнёс:

— Теперь понимаю...

— Что?

Спросил Лисандр.

Филимон поднял взгляд.

— Почему сюда никто не возвращался.

Все одновременно посмотрели вниз. Лестница снова появилась. Она была на том же месте, словно ничего не произошло.

— Может...это ловушка?

Осторожно сказал Аристей.

— Нет.

Ответила Каллиста. Она присела возле первой ступени, провела ладонью по камню, закрыла глаза. Через несколько секунд тихо сказала:

— Она настоящая. Но...не принимает одиночек.

— Что значит "не принимает"?

Каллиста медленно поднялась.

— Здесь никто не спускается один.

Лисандр прищурился. Он снова посмотрел на ступени. Потом... на статуи, потом...на призрачных воинов. Все они стояли совершенно одинаково, абсолютно одинаково, словно были частью одного организма.

Он неожиданно улыбнулся, совсем краешком губ.

— Афина...

Филимон удивлённо посмотрел на него.

— Что?

— Это её испытание. Не Посейдона. Не титанов. Её.

Он сделал несколько шагов вдоль проёма медленно, размышляя вслух, как всегда, делал в азартной игре.

— Первый суд был про имя. Про то, кто ты есть. Значит... второй... не про смелость. Иначе здесь давно стоял бы Арес.

Он остановился, щёлкнул пальцами.

— Она проверяет...умеем ли мы доверять друг другу.

Дамон молча посмотрел на лестницу, потом протянул руку.

— Значит... идём вместе.

Филимон непонимающе нахмурился.

— Что это изменит?

Лисандр посмотрел прямо на него.

— Сейчас узнаем.

Он первым положил ладонь на плечо Дамона. Дамон — на плечо Аристея, Аристей — на Каллисту. Каллиста молча коснулась плеча Филимона. Получилась живая цепь. Пять человек, пять судеб, пять совершенно разных дорог. Впервые за всё путешествие...они действительно стали единым целым.

Лисандр сделал первый шаг. Ступень не исчезла, затем второй, третий. Ни одна плита больше не растворилась. Лестница словно облегчённо вздохнула и начала медленно...сама...опускаться вниз. Не они спускались. Сам город принимал их.

По обе стороны прохода одна за другой вспыхивали древние чаши. Без огня, без факелов. Камень сам начинал светиться мягким голубоватым светом. Он отражался в воде, на колоннах, на лицах путников. И чем глубже они уходили...тем тише становился мир наверху. Осталось только одно глухое биение, размеренное, медленное, будто где-то глубоко под городом продолжало работать огромное сердце.

Лисандр посмотрел вниз. Лестница уходила во тьму ещё на сотни ступеней. Ему пришла мысль, от которой по спине пробежал холод: «Они уже давно не спускаются под землю.

Они... спускаются в чью-то память.»

Лестница перестала двигаться так же внезапно, как начала. Последняя ступень мягко коснулась пола, глухой удар эхом разошёлся по подземелью. Цепочка рук распалась сама собой, никто не заметил, в какой именно момент, будто место решило: дальше они могут идти самостоятельно.

Перед ними открылся огромный зал: не дворец, не храм, скорее...сердце всего города. Потолок терялся где-то в темноте, каменные колонны поднимались вверх так высоко, что человеческий глаз переставал различать их окончания. Между ними тянулись широкие мосты. Ниже шумела вода. Подземная река: чёрная, спокойная, совершенно неподвижная. Она текла так медленно, что казалась зеркалом.

Но внимание Лисандра привлекло другое -стены. Весь зал был покрыт барельефами. Их были тысячи. Каждый изображал людей, корабли, битвы, царей, детей, рождение города, праздники, штормы. Целую историю, высеченную в камне.

— Это...не украшения.

Прошептал Аристей.

Филимон кивнул.

— Это память города.

Лисандр подошёл ближе, провёл ладонью по древнему изображению. Камень оказался неожиданно тёплым. И в тот же миг...барельеф под пальцами едва заметно дрогнул.

Дамон мгновенно обернулся.

— Не трогай!

Поздно..По залу прошёл тяжёлый металлический звук, словно где-то глубоко провернулся огромный зубчатый механизм. Пол едва ощутимо завибрировал.

Филимон побледнел.

— Все назад!

Но было уже поздно. Одна из колонн начала медленно поворачиваться вокруг своей оси. За ней — следующая, потом ещё одна, через несколько мгновений весь зал пришёл в движение. Мосты начали смещаться, каменные переходы расходились в разные стороны. Одни исчезали, другие появлялись, лестницы складывались, новые поднимались прямо из воды. Город... перестраивал сам себя.

— Это невозможно...

Выдохнул Аристей.

— Возможно.

Очень спокойно ответила Каллиста.

— Он жив.

Лисандр поднял голову, он понимал, почему никто не мог найти путь. Потому что дороги здесь не существовали. Они рождались, менялись, исчезали каждое мгновение. И вдруг... далеко впереди вспыхнул яркий золотистый свет. Всего на одно мгновение- Не отражение, не огонь -что-то другое. Настолько яркое, что все пятеро одновременно повернули головы.

— Видели?

Тихо спросил Дамон.

Никто не ответил. Ответ был очевиден. Видели все.

Лисандр сделал шаг вперёд, но Филимон резко схватил его за руку. так резко, что Морской Лис невольно потянулся к мечу.

— Ты что?!

Старик смотрел только вперёд, не моргая.

— Именно этого...они и ждут.

— Кто?

Филимон медленно поднял руку, указывая не на свет, выше на вершины колонн. Лисандр проследил взглядом. Сначала ничего не увидел, потом...заметил движение. По самому верху древнего зала бесшумно скользили фигуры: высокие, тонкие, почти человеческие.

Они перебегали с колонны на колонну так легко, будто совершенно не подчинялись земному притяжению. Их было очень много. Они не нападали. ПокаОни выжидали, наблюдали. Точно так же, как хищные птицы часами кружат над зверем, ожидая единственной ошибки.

Филимон произнёс почти шёпотом:

— Не смотрите на золото. Смотрите...кто охраняет путь к нему.

Никто не шевельнулся. Высоко над ними бесшумные фигуры продолжали двигаться между колоннами. Они не прятались, наоборот, будто специально позволяли себя заметить. Иногда одна из них на мгновение останавливалась на самом краю каменного выступа, смотрела вниз и снова ис-

чезала в полумраке.

Лисандр машинально положил ладонь на рукоять меча. Не потому, что собирался нападать- так было спокойнее.

Дамон заметил этот жест.

— Если понадобится... не торопись доставать клинок.

— Почему?

— Потому что они до сих пор не сделали ни одного движения против нас.

Филимон неожиданно остановился, медленно опустился на одно колено, положил ладонь на древний пол, некоторое время просто слушал с закрытыми глазами. Потом очень тихо произнёс:

— Они считают шаги.

— Кто?

Спросил Аристей.

— Город.

Никто не понял кроме Каллисты. Она тоже прислушалась и почти сразу нахмурилась.

— Он прав.

Лисандр невольно усмехнулся.

— Всё-таки начинаю привыкать к вашим объяснениям. Когда ничего не понятно, значит всё идёт правильно.

Каллиста впервые за долгое время улыбнулась.

— Прислушайся.

Он замолчал, сначала слышал только собственное дыхание. Потом...капли воды, потом...тот самый медленный гул,

а затем различил ещё один звук почти незаметный. Каждый раз, когда кто-то из них переставлял ногу... где-то глубоко внутри города что-то отвечало- один шаг, один удар, ещё шаг, ещё удар. Словно весь подземный мир считал их движение.

— Он действительно... живой.

Тихо сказал Лисандр.

Филимон покачал головой.

— Нет. Живыми бывают существа. Это... механизм, но он настолько совершенный, что почти перестал отличаться от жизни.

Именно в этот момент впереди послышался негромкий щелчок. Одна из каменных плит плавно ушла вниз. На её месте появилась узкая дорожка всего в два человеческих шага длиной. За ней — пустота. Дальше снова пол. Потом опять пустота и ещё одна дорожка.

— Похоже...нас приглашают.

Произнёс Дамон.

Филимон резко ответил:

— Нет. Нас проверяют.

Лисандр внимательно посмотрел вперёд, теперь стало видно весь путь. Каменные площадки висели над чёрной водой: никаких перил, никаких мостов, только отдельные плиты. Причём...они медленно двигались, совсем немного, но постоянно, будто дышали.

— Кто первый?

Спросил Аристей.

Все одновременно посмотрели на Лисандра. Тот тяжело вздохнул.

— Почему каждый раз именно я?

Дамон пожал плечами.

— Потому что если первым пойду я... ты всё равно полезешь вперёд.

Спорить было бессмысленно. Лисандр осторожно поставил ногу на первую плиту. Камень оказался удивительно тёплым. Он выдержал вес. Второй шаг - тоже ничего. Он уже собирался сделать третий..., как сверху раздался короткий свист. Он был не громкий, очень тонкий, похожий на крик морской птицы. Все фигуры на вершинах колонн одновременно остановились.

Филимон побледнел.

— Замри!

Но предупреждение опоздало, Лисандр уже перенёс вес вперёд. И в ту же секунду плита под ним резко ушла вниз. Не обрушилась - именно ушла, как лифт, без единого звука. Мир вокруг исчез.

Дамон рванулся вперёд, но поймал только воздух. Лисандр стремительно проваливался в темноту. Последнее, что он успел увидеть наверху, — лицо Каллисты. На нём впервые за всё путешествие был настоящий ужас, а потом каменный круг над его головой сомкнулся и наступила абсолютная темнота.

Где-то совсем рядом прозвучал спокойный, почти человеческий голос.

— Второе испытание...началось.

Темнота оказалась недолгой. Лисандр даже не успел понять, падает он или стоит. Пол неожиданно возник под ногами так мягко, словно его осторожно поставили на землю чьи-то невидимые руки. Он сразу выхватил меч, лезвие со звоном вышло из ножен. Никого. Только длинный каменный коридор, совершенно пустой.

Он поднял голову, потолка не было видно, свет тоже отсутствовал, но при этом всё вокруг различалось удивительно отчётливо, будто сами стены испускали слабое серебристое сияние.

— Дамон!

Ответа не последовало.

— Каллиста!

Тишина. Даже собственного голоса он почти не услышал, звук словно не хотел жить в этом месте. Лисандр медленно пошёл вперёд, шаги не отражались эхом. Это тревожило сильнее всего. Каждый человек знает, как звучат его собственные шаги. Здесь... они исчезали. Через несколько десятков шагов коридор неожиданно закончился. Перед ним открылась небольшая круглая площадь. В центре стояла единственная каменная скамья, а на ней...сидел старик. Он выглядел, как совершенно обычный старик: в простой льняной одежде, без оружия, без украшений. Он спокойно смот-

рел куда-то в сторону, будто давно ожидал чьего-то появления.

Лисандр остановился.

— Ты кто?

Старик даже не повернул головы.

— Это не первый вопрос, который тебе хочется задать.

Морской Лис нахмурился.

— Хорошо.

Где мои друзья?

— Их здесь нет.

— Где выход?

— Не туда спрашиваешь.

Лисандр раздражённо вздохнул.

— Тогда что мне нужно спросить?

Старик впервые посмотрел прямо на него и улыбнулся: не хитро, не насмешливо, очень по-доброму, так как улыбаются дедушки детям, которые наконец задали правильный вопрос.

— Спроси...зачем ты вообще сюда пришёл.

Лисандр усмехнулся.

— За золотом.

Старик молчал.

— За сокровищами Посейдона.

Снова молчание.

— За славой.

Ничего не последовало

Лисандр неожиданно почувствовал раздражение.

— Ну что?!

Старик тихо покачал головой.

— Ты сейчас перечислил причины, которые повторял людям, но не себе.

Наступила долгая тишина. Лисандр смотрел на незнакомца, потом отвернулся, потом снова посмотрел. В груди появилось неприятное ощущение. Так бывает, когда понимаешь: сейчас придётся сказать правду.

— Я...

Он запнулся.

Сам не понимая почему.

— Я... хочу... чтобы обо мне помнили.

Старик молча слушал.

— Чтобы через сто лет люди всё ещё рассказывали моё имя. Чтобы мальчишки спорили... было это или нет, чтобы капитаны врали друг другу в тавернах, чтобы кто-нибудь однажды посмотрел на море... и сказал: "Так плавал Морской Лис."

Он замолчал. Впервые за очень долгое время ему нечего было добавить.

Старик поднялся, подошёл совсем близко, посмотрел прямо в глаза. И очень спокойно произнёс:

— Нет.

Лисандр вздрогнул.

— Что "нет"?

— Ты опять солгал.

Эти слова ударили сильнее любого меча.

— Нет...

Это правда.

— Нет. Ты хочешь не бессмертия. Ты хочешь... чтобы однажды кто-нибудь произнёс твоё имя... с такой же любовью, с какой ты сам произносил имя своего отца.

Мир исчез, всё вокруг перестало существовать. Перед глазами вспыхнуло лицо человека, которого он не вспоминал уже много лет. Отца. Запах смолы. Верфь. Маленькая ладонь в огромной, мозолистой руке и его голос: *"Запомни, Лисандр... корабль можно построить заново. Имя — никогда."*

Он медленно опустился на колени впервые не потому, что проиграл, не потому, что устал, а потому, что больше не мог стоять. Когда он снова поднял голову...старика уже не было. На каменной скамье лежала только маленькая бронзовая сова: совсем простая, без драгоценных камней, без золота. Она смотрела прямо на него. Лисандр осознал: второе испытание ещё не закончилось, оно только заставило его перестать лгать самому себе.

Лисандр долго сидел неподвижно, бронзовая сова лежала на холодном камне. Совсем маленькая, её легко было спрятать в ладони. Он осторожно поднял её. Металл оказался неожиданно тёплым, будто она только что была живой.

— Значит...это и есть ответ?

Тихо спросил он пустоту, никто не ответил, но где-то впе-

реди послышался едва различимый шорох, словно по камню скользнули чьи-то босые ноги. Лисандр поднялся и медленно пошёл на звук. Коридор изменился, теперь стены были покрыты барельефами совсем не такими, как наверху: не царями, не храмами, не битвами. Здесь были изображены обычные люди: рыбаки, матери с детьми, кузнецы, старики, юноши. Они смеялись, работали, любили, жили.

— Почему...не герои?

Почти машинально спросил Лисандр и неожиданно для себя сам ответил:

— Потому что именно они и есть город...

Он остановился, сам не заметив, как произнёс это вслух.

В тот же миг первый барельеф дрогнул, потом второй, потом третий. Каменные лица начали медленно поворачиваться, не оживать, лишь следить за ним взглядом. Это были десятки, сотни, тысячи глаз и все они смотрели в одну точку.

Любой другой человек побежал бы. Лисандр тоже почувствовал это желание. Очень сильное. Но вдруг вспомнил слова старика: *"Ты опять солгал."* Он глубоко вдохнул, и заставил себя идти дальше спокойно, как будто ничего это не происходило. Каменные лица продолжали наблюдать. Ни одно не выражало угрозы. Они словно...ждали.

Впереди появился ещё один круглый зал. На этот раз он был совершенно пустой. Только в самом центре стояло зеркало. Огромное, высотой почти в человеческий рост, без рамы. Просто идеально гладкая поверхность.

Лисандр подошёл ближе. В отражении он увидел себя, таким, каким привык видеть: длинные волосы, шрамы, плащ, меч, монета на поясе -Морской Лис.

Он уже собирался отвернуться, но отражение...не отвернулось, оно продолжало смотреть прямо на него совершенно неподвижно. По спине пробежал холод. Лисандр медленно сделал шаг назад. Отражение осталось на месте.

— Ну конечно...

Тихо усмехнулся он.

— Было бы слишком просто.

Человек в зеркале неожиданно улыбнулся, но... это была другая улыбка, не привычной дерзкой ухмылкой Лисандра. Улыбка была печальной, усталой, так улыбаются люди, которые слишком долго носят тяжёлую ношу. И тогда отражение заговорило совершенно его голосом.

— Сколько ещё масок ты собираешься надеть?

— Это уже становится скучным.

Ответил Лисандр.

— Если ты собираешься читать мне нравоучения...

— Нет.

Перебило отражение.

— Я собираюсь вернуть тебе то... что ты потерял раньше всех остальных.

Лисандр нахмурился.

— Что именно?

Отражение подняло руку, медленно коснулось собствен-

ной груди: туда, где билось сердце.

— Способность...верить.

Эти слова прозвучали почти шёпотом, но ударили сильнее любого предыдущего вопроса. Лисандр хотел возразить, хотел рассмеяться, хотел сказать, что прекрасно умеет верить. в море, в корабль, в удачу, в собственный меч, но вдруг понял...что уже очень давно не верил ни одному человеку полностью. Даже Дамону. Даже Филимону. Даже самому себе.

Поверхность зеркала медленно покрылась кругами, словно стала водой. Из глубины вновь появился тот же спокойный голос без осуждения, без жалости. Только вопрос.

— Если завтра тебе придётся выбирать...между золотом...и человеком...что ты спасёшь первым?

Лисандр молчал. На этот раз...ответа у него не было. А где-то далеко, за пределами зеркального зала, вновь послышался тяжёлый удар, будто древний механизм перевернул ещё одну страницу испытания. Морской Лис осознал: Афина не искала правильных ответов, она искала вопросы...на которые человек боится отвечать всю жизнь. Лисандр молчал, отражение тоже. Никто не торопил его, именно это раздражало сильнее всего.

— Значит...не знаешь ответа?

Тихо спросило зеркало.

— Нет.

Спокойно ответил Лисандр.

— Просто не люблю вопросы, в которых заранее приго-

товлен правильный ответ.

Впервые отражение улыбнулось по-настоящему.

— Хорошо.

Лисандр удивлённо поднял голову.

— Хорошо?

— Да. Потому что ты перестал угадывать.

Поверхность зеркала вновь стала неподвижной, человек по ту сторону стекла подошёл ближе. Теперь их разделяло меньше ладони.

— Ответ появляется не сейчас. Он появляется тогда..., когда выбирать уже поздно.

— Очень удобно.

Проворчал Лисандр.

— Никто ничего не объясняет. Все только говорят загадками.

— Именно поэтому люди и не любят мудрость. Она никогда не говорит...что делать. Она лишь показывает...кем станет человек после своего выбора.

Лисандр неожиданно рассмеялся очень устало.

— Тогда вы ошиблись дверью. Я вообще редко думаю...что будет после.

— Нет.

Очень спокойно ответило отражение.

— Именно поэтому ты здесь.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Потом зеркало медленно исчезло. Не разбилось, не растворилось. Его про-

сто...не стало, будто оно никогда не существовало. На том месте осталась только одна каменная плита и на ней были высечены три слова: **Слава. Власть. Память.**

Лисандр долго смотрел на них, потом неожиданно усмехнулся.

— Станный выбор...

Лисандр долго смотрел на слова.

— Ещё вчера я сказал бы: "Заберу всё".

Он усмехнулся.

— А теперь... сам не уверен.

Позади негромко щёлкнул механизм. Он резко обернулся. Из стены медленно вышла ещё одна плита совсем маленькая и на ней было выбито лишь одно слово: **Цена.**

Улыбка исчезла сама собой.

— Вот...теперь похоже на правду.

Тихо сказал он.

Неожиданно бронзовая сова в его ладони стала тяжёлой, словно превратилась в настоящий камень. Лисандр машинально раскрыл пальцы. Птица сама опустилась на плиту. Раздался негромкий металлический звук, совсем тихий, но весь зал словно услышал его.

Все четыре слова одновременно вспыхнули мягким золотистым светом и начали медленно исчезать, словно уходить глубоко внутрь камня.

Бронзовая сова, лежавшая на камне, вдруг едва заметно качнулась. Лисандр нахмурился. Никакого ветра здесь не

было. Птица медленно расправила тяжёлые металлические крылья. Она сделала это так естественно, словно тысячу лет просто ждала именно этого мгновения. Она один раз посмотрела на Лисандра, затем бесшумно поднялась в воздух. Ни взмаха, ни звона, только лёгкое движение бронзовых крыльев, сделала круг над залом.....и растворилась в темноте под сводами. Лисандр долго смотрел ей вслед.

Потом неожиданно произнёс:

— Спасибо...

Он сам не понял, кому именно сказал это слово.

Перед ним открылась новая дверь, совсем не похожая на предыдущие. Она была совершенно обычная, узкая, такая, мимо которой можно пройти десятки раз и даже не обратить внимания.

После того как бронзовая сова исчезла под сводами древнего зала, наступила тишина. Не та, к которой Лисандр уже успел привыкнуть -другая, будто вместе с птицей это место покинула сама мысль. Он ещё несколько секунд стоял перед узкой дверью. Она ничем не отличалась от обычной двери. На ней не было никаких символов, никаких замков, никакой торжественности. Именно это настораживало сильнее всего.

— После всего, что было... — пробормотал он. — Неужели дальше всё настолько просто?

Он осторожно коснулся ладонью камня и дверь бесшумно приоткрылась.

В это же самое время...

...Дамон уже в третий раз обходил круглый зал медленно, считая шаги. Он всегда так делал, когда не понимал происходящего. Двести тринадцать шагов — ровно столько получалось по окружности. На двести четырнадцатом он снова оказывался возле Аристейя.

— Ничего.

Коротко произнёс он.

Аристей сидел на краю той самой каменной плиты, через которую исчез Лисандр. Он не сводил с неё глаз, словно надеялся, что друг вот-вот появится снова.

— Может...он уже давно выбрался?

Неуверенно спросил он.

Дамон отрицательно покачал головой.

— Если бы выбрался...город бы изменился.

Филимон сидел отдельно, так далеко, будто сознательно не хотел вмешиваться в разговор. Он смотрел на пустой проход, где недавно стояли призрачные воины. Его лицо было виноватым.

Каллиста подошла к нему почти неслышно.

— Ты знаешь больше, чем говоришь. Это был не вопрос.

Старик долго молчал. Потом тихо ответил:

— Да.

— И всё равно молчишь?

— Потому что некоторые знания не помогают. Они только делают ожидание тяжелее.

Каллиста села рядом. Несколько минут они оба молчали, потом она неожиданно сказала:

— Он вернётся.

Филимон повернул голову.

— Откуда ты знаешь?

Каллиста едва заметно улыбнулась.

— Потому что он ещё не получил того, за чем пришёл.

В этот момент весь зал едва ощутимо дрогнул, будто где-то глубоко внутри города провернулся ещё один древний механизм. Все четверо одновременно подняли головы. Каменные колонны начали медленно расходиться, не хаотично, словно освобождая дорогу. Из темноты впереди показался новый проход гораздо шире предыдущего. Но...совершенно пустой.

— Это не тот путь.

Тихо произнёс Филимон.

— Тогда почему он открылся?

Спросил Дамон.

Старик тяжело поднялся, очень долго смотрел в темноту и лишь потом сказал:

— Потому что теперь испытывать будут уже нас.

Дамон машинально положил руку на рукоять меча.

Филимон тут же остановил его.

— Нет. Не доставай оружие.

— Почему?

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что следующую дверь открывает не тот, кто умеет сражаться.

Её открывает тот...кто готов идти вперёд, даже если понимает, что обратно дороги может уже не быть.

Дамон ничего не ответил, только медленно убрал ладонь с рукояти. Он сделал первый шаг. Именно в этот момент...далеко впереди, в темноте нового прохода, послышался звук: тяжёлый, размеренный, словно одновременно шагали сотни людей. И каждый их шаг звучал одинаково: без спешки. без ярости - Так идёт армия, которая никогда не знала поражения.

..Лисандр переступил порог. За спиной негромко закрылась дверь. Он даже не обернулся, за последнее время он понял простую вещь - а этом городе бессмысленно надеяться вернуться назад. Каждая дверь существовала только один раз.

Впереди тянулся длинный проход: он был значительно уже прежнего, каменные стены почти касались плеч. С каждым шагом становилось холоднее, но сильнее всего изменился воздух.

Лисандр остановился, вдохнул ещё раз, поморщился. Запах был ему хорошо знаком. Так пахли старые оружейные: железо, масло, кожа, и...кровь -очень старая кровь, столетиями впитывавшаяся в камень.

— Вот теперь...становится интересно.

Тихо сказал он.

Коридор неожиданно закончился не стеной, не дверью-пространством настолько огромным, что взгляд не сразу смог определить его границы. Лисандр сделал ещё шаг и замер. Перед ним лежала равнина. Именно равнина под землёй. Она уходила вперёд настолько далеко, что противоположная сторона терялась в полумраке. Не было ни деревьев, ни домов, ни колонн, только бесконечное каменное поле.

Сначала ему показалось, что земля покрыта высокой сухой травой, но через несколько секунд он понял ошибку. Это были копьё. Тысячи. Десятки тысяч копий. Они торчали из камня совершенно ровными рядами, будто кто-то однажды приказал целой армии остановиться и с тех пор она больше никогда не двигалась. Между копьё лежали щиты, шлемы, обломки мечей, разбитые колесницы, но...ни одного скелета, ни одной кости. Будто сама война однажды закончилась...и забрала своих мёртвых, оставив только оружие.

Лисандр медленно пошёл вперёд. Он старался не шуметь, хотя сам не понимал почему это место само заставляло говорить тише.

Вдруг...раздался звук очень далеко. Насколько далеко, что сначала он принял его за удар сердца. Потом ещё один, и ещё. Нет- это были шаги тяжёлые, медленные, размеренные, не человека -Целого строя.

Лисандр остановился. Звук постепенно становился громче, он не ускорялся, не сбивался. Каждый следующий удар приходился точно туда же, куда предыдущий. Так ходят лю-

ди, которые маршируют всю жизнь.

Он медленно перевёл взгляд вперёд, сначала ничего не увидел, потом...между рядами копий что-то изменилось, словно сама темнота стала гуще. Через мгновение из неё появилась фигура. Высокий воин: бронзовый панцирь, закрытый шлем, копье, щит. Он шёл совершенно прямо, не оглядываясь, не замечая ничего вокруг. За ним появился второй, потом третий, потом ещё. Колонна медленно выходила из темноты без команды, без крика, без звона оружия. Только шаг, ещё шаг, ещё.

Лисандр неожиданно понял...почему здесь нет тел убитых воинов, потому что война здесь никогда не заканчивалась. Она продолжала идти уже тысячу лет.

Он машинально сделал шаг назад. И в этот самый момент...один из воинов остановился., медленно повернул голову туда...где стоял Лисандр. Из-под бронзового шлема невозможно было разглядеть лицо, но Морской Лис совершенно отчётливо почувствовал: его увидели.

Далеко позади...где-то за каменными стенами...словно отвечая этому взгляду... одновременно остановились и Дамон, и Каллиста, и Аристей, и Филимон. Они ещё не знали почему, но каждый из них в одну и ту же секунду ощутил одно и то же- город перестал наблюдать, теперь...кто-то начал выбирать.

Воин продолжал смотреть, не двигаясь, не поднимая копья, не делая ни единого шага. Лисандр много раз видел лю-

дей, готовых убить, он прекрасно знал их лица: они кричали, ругались, сжимали оружие. Этот...не делал ничего, он просто смотрел, так спокойно, словно ожидал решения самого Лисандра. Именно поэтому Лисандру стало страшно.

Морской Лис медленно перевёл дыхание, рука сама легла на рукоять меча -Привычка. За многие годы тело научилось двигаться раньше головы, но...клинок так и остался в ножах. Почему-то сейчас ему казалось, что стоит только обнажить оружие...и что-то необратимо изменится и не факт, что к его выгоде.

Где-то впереди снова прозвучал тяжёлый шаг, потом ещё один. Из сумрака продолжали выходить новые фигуры. Они двигались одинаково, словно один человек, разделённый на тысячи тел.

Тем временем...

...Дамон остановился у самого начала древнего моста. Он долго смотрел вперёд. По камню медленно двигалась бесконечная колонна призрачных воинов, они проходили совсем рядом, настолько близко, что можно было рассмотреть вмятины на бронзе, следы старых ударов, надломленные древки копий, трещины на щитах. Каждый из них когда-то погиб. Но строй...так и не распался.

— Я никогда...не видел ничего подобного.

Очень тихо произнёс Аристей. В его голосе не было страха, только изумление.

Филимон молча кивнул.

— Я тоже.

Все одновременно посмотрели на него.

Старик горько усмехнулся.

— Не смотрите так. Я всю жизнь собирал легенды, но легенды...всегда оказываются гораздо меньше правды.

Каллиста не сводила глаз с воинов.

— Они нас не замечают.

Филимон покачал головой.

— Нет. Они...дают нам возможность решить.

— Решить что?

Спросил Дамон.

Старик долго молчал, потом очень спокойно ответил:

— Пройти, или остаться.

— Остаться?

Аристей нахмурился.

— Здесь?

Филимон посмотрел на бесконечную колонну.

— Иногда человек умирает не тогда, когда перестаёт дышать. Иногда...он просто перестаёт идти.

Наступила тишина- Каждый понял эти слова по-своему.

Лисандр тоже понял, хотя находился сейчас далеко от них. Воин всё ещё стоял перед ним. Такой большой, неподвижный, опасный. Между ними оставалось не больше двадцати шагов. Морской Лис неожиданно поймал себя на мысли, что может просто развернуться. Никто не удерживает,

никто не заставляет. Можно уйти, отказаться, вернуться, попытаться найти другой путь. Эта мысль была настолько простой...что почти показалась разумной.

И именно поэтому он вдруг понял: в этом и есть испытание, не сражение, не сила, не мастерство. Первый настоящий враг человека — желание убедить себя, что можно не делать следующий шаг.

Он медленно улыбнулся не весело, не самоуверенно. Так улыбается человек, который наконец понял правила игры.

— Значит... вот чего ты ждёшь.

Тихо произнёс он и сделал первый шагНичего. Второй. По-прежнему ничего, третийтишина, четвёртый...и в этот миг весь мир изменился. Неожиданно, словно невидимая рука перевернула древние песочные часы, бесконечная армия одновременно пришла в движение. Ни одного приказа, ни одного боевого крика. Тысячи ног поднялись и одновременно опустились на камень. Гул прокатился по равнине, словно удар далёкого грома. Лисандр замер. Он сразу понял самое страшное: Они не шли к нему, они шли...через него, так, будто его вообще не существовало.

Колонна медленно приближалась. С каждым шагом становилось всё отчётливее видно бронзовые панцири, потёртые щиты, копья, покрытые следами старых битв. Это были не призраки. Каждый шаг отзывался тяжёлым ударом по камню. Каждый щит отбрасывал настоящую тень. Каждое копьё могло пронзить живую плоть. Через несколько мгно-

вений вся эта бесконечная армия должна была пройти прямо сквозь него.

Сердце Лисандра сжалось от ужаса. Не потому, что впереди была битва -к битвам он привык. Ужас пришёл вместе с осознанием другого. Любой выбор означал поражение: Если он выхватит меч — проиграл, если бросится бежать — проиграл, если закроет глаза — проиграл, если отступит хотя бы на шаг — проиграл. Страх лихорадочно искал спасение, разум перебирал десятки решений, но каждое заканчивалось одинаково -тупиком. И тогда всё стало удивительно простым: другого пути не существовало. Оставалось только одно: Идти вперёд навстречу армии, навстречу тому, что невозможно остановить. Первый воин был уже совсем рядом. Ещё мгновение — и тяжёлый бронзовый щит коснётся его груди. Лисандр сделал шаг не потому, что перестал бояться, наоборот, он боялся так, как не боялся ещё никогда в жизни, но другого выхода больше не было. Воин вошёл в него-не ударил, не сбил с ног, он просто прошёл сквозь него. И вместе с ним через сердце Лисандра пронёсся ледяной клинок чужой смерти. Он увидел человека, падающего на колени с копьём в груди, почувствовал, как исчезает воздух, услышал собственный предсмертный крик..., хотя кричал совсем другой. Следом прошёл второй- Лисандр ощутил жар горящего корабля, третий- увидел юношу, впервые вышедшего на войну и погибшего, так и не подняв меч. Четвёртый, пятый, десятый, сотый, тысячный... Каждый проходил сквозь него,

оставляя после себя не рану- память, боль, страх, ярость, отчаяние, последнюю надежду, последний вдох.

В одно бесконечно растянувшееся мгновение Лисандр прожил тысячи смертей, тысячи судеб, тысячи незаконченных жизней. Он больше не чувствовал собственного тела. Казалось, что под ударами чужих воспоминаний исчезает сам человек, которого звали Морским Лисом, но он продолжал стоять. Потом сделал ещё один шаг, и ещё. Пока бесконечная армия проходила сквозь него, он не остановился ни разу.

В это самое мгновение, далеко по другую сторону древнего города, Дамон, Каллиста, Аристей и Филимон тоже увидели, как на мост медленно выходит та же самая армия. Никто из них ещё не понимал, что происходит, но каждый почувствовал одно и то же. Дорога перестала испытывать одного человека, теперь она испытывала каждого по-своему, в полном одиночестве.

Армия прошла так же медленно, как появилась, последний воин растворился в темноте, наступила тишина такая глубокая, что Лисандр слышал собственное дыхание. Он стоял неподвижно, ноги ещё держали его, но всё остальное будто принадлежало уже не ему. Перед глазами всё ещё вспыхивали обрывки чужих жизней: лицо мальчишки, впервые взявшего в руки копье, седой воин, закрывающий собой сына, женщина, бегущая вдоль горящего берега, старик, который понимал, что этот бой станет последним. Они исче-

зали, но не уходили, удто каждая прожитая смерть оставила внутри него едва заметный след.

Лисандр медленно поднял ладонь. Она дрожала от тяжести. Он впервые понял, почему древние герои после великих войн уже никогда не улыбались так, как раньше. Потому что невозможно увидеть столько смертей...и остаться прежним. Он глубоко вдохнул. Воздух по-прежнему пах железом, но теперь он различал ещё один запах- пепел.

Впереди послышался глухой скрежет, земля вздрогнула сначала едва заметно, потом сильнее. Ряды копий начали медленно расходиться в стороны, не падая, не ломаясь. Словно бесконечное войско расступалось перед своим полководцем. Между ними открывался широкий проход, он уходил прямо в темноту. Лисандр долго смотрел вперёд.

— Значит...это ещё не всё.

Его голос прозвучал неожиданно хрипло. Ответом стала тишина, но где-то глубоко впереди снова раздался тяжёлый удар. Будто кто-то поставил на камень огромное древко копья. Один, потом ещё один, но это были уже не шаги, это был кто-то один очень большой, очень тяжёлый. И он не приближался, он ждал.

В это же время...Дамон стоял перед мостом, не сводя глаз с исчезнувшей армии. Никто из них не произнёс ни слова. Каллиста первой нарушила молчание.

— Они ушли.

Филимон медленно покачал головой.

— Нет. Они пропустили нас. Это разные вещи.

Аристей посмотрел на старика.

— Откуда ты знаешь?

Филимон устало усмехнулся.

— Не знаю. Просто...если бы испытание закончилось...мне сейчас стало бы легче.

Он положил ладонь себе на грудь.

— А мне...становится только тяжелее, словно кто-то смотрит...и всё ещё ждёт нашего решения.

Дамон молча шагнул на мост.

Камень под его ногой оказался неожиданно тёплым. Он сделал второй шаг, третий и вдруг остановился. Посреди моста лежал меч совсем один, старый, без ножен. Лезвие было покрыто бурой патиной, но рукоять выглядела так, будто её только что выпустили из рук.

— Не трогай.

Тихо сказал Филимон.

Дамон даже не посмотрел на него.

— Почему?

Старик долго молчал.

Потом ответил:

— Потому что настоящий воин сначала решает...нужно ли ему оружие. И только потом берёт его в руки.

Дамон медленно перевёл взгляд с меча на тёмный конец моста. Несколько долгих секунд он стоял неподвижно, потом спокойно перешагнул через клинок и пошёл дальше. В тот

же миг старый меч рассыпался в пыль.

Никто не заметил, как где-то далеко, в глубине подземного города, уголки губ каменного изваяния древнего воина едва заметно дрогнули, будто впервые за тысячу лет...оно осталось довольно увиденным выбором.

Дамон успел сделать всего несколько шагов, мост дрогнул не весь, только тот участок, на котором лежала рассыпавшаяся пыль древнего меча. Камень медленно разошёлся, будто под ним тысячи лет существовала ещё одна дорога и из глубины поднялся холодный воздух: сухой, тяжёлый, пахнущий раскалённым металлом. Никто не успел произнести ни слова. Из темноты показалась рука- человеческая, но слишком большая. Она спокойно легла на край каменного пролома, следом появилась вторая, потом...голова.

Он не был чудовищем, это пугало сильнее всего. Перед ними поднялся человек. Точнее...когда-то он был человеком ростом почти в три человеческих роста. Весь покрытый старой бронёй не начищенной, не царской- боевой. На панцире виднелись сотни ударов. Некоторые пробili металл насквозь, но хозяин этих ран продолжал стоять. Шлем полностью скрывал его лицо, только из узкой щели спокойно смотрели два тусклых золотых огня. Он медленно выпрямился, даже не пытаясь казаться грозным. Ему это было не нужно, само его присутствие заставляло воздух становиться тяжелее.

Каллиста впервые за всё путешествие сделала совсем ма-

ленький шаг назад, но Дамон это заметил. Если отступила она...значит опасность действительно была настоящей.

Исполин молча перевёл взгляд с одного человека на другого. Ни спешки, ни угрозы, словно считал, измерял, взвешивал. Потом его взгляд остановился на Дамоне и раздался глухой, хриплый голос, будто говорила сама старая бронза.

— Почему...ты не поднял меч?

Никто не ожидал вопроса. Дамон ещё несколько секунд молчал, потом спокойно ответил:

— Потому что он был не мой.

Исполин не пошевелился.

— Если бы ты взял его...стал бы сильнее.

— Нет.

Ответил Дамон.

— Стал бы зависеть от него.

Наступило долгое молчание, такое долгое, что Аристей уже начал медленно тянуться к своему мечу. Филимон едва заметно коснулся его локтя, давая понять -не сейчас.

Исполин вновь заговорил.

— А если бы враг оказался сильнее тебя?

Дамон впервые позволил себе улыбнуться.

— Тогда я проиграл бы.

— Ты принимаешь поражение?

— Нет. Я принимаю правду. Иногда их путают.

Золотые огни под шлемом едва заметно вспыхнули. Исполин сделал шаг вперёд, каменный мост тяжело вздохнул

под его весом, потом ещё один. Теперь он возвышался над людьми совсем рядом, стоило ему протянуть руку...и любой из них оказался бы в его ладони, но он не нападал. Он поднял огромную ладонь...и медленно ударил себя кулаком в грудь. Глухой звук эхом прокатился по всему подземному городу - так приветствовали равного.

В ту же самую секунду...далеко впереди...Лисандр услышал точно такой же удар, Он резко остановился. Эхо прокатилось по бесконечному полю копий. Потом второй удар, третий. Нет...это билось не сердце, это кто-то...звал его. Впервые с момента входа в подземный город Морской Лис почувствовал не страх, а вызов. Он ещё не видел того, кто стоял впереди, но уже понимал: следующая встреча решит не только судьбу золота Посейдона, она решит...достоин ли человек вообще приблизиться к трону морского бога.

...Лисандр остановился. Он не сразу понял, что именно изменилось. Вокруг всё осталось прежним. Тот же камень, тот же полумрак, тот же бесконечный подземный город. И всё же... что-то исчезло. Он вдохнул и не почувствовал никакого запаха: не пахло морем, не пахло железом, не пахло пылью, воздух стал совершенно пустым, будто само место перестало принадлежать живому миру. Лисандр медленно поднял голову. Где-то далеко впереди начинался новый проход. Он казался самым обычным, но смотреть на него почему-то становилось всё труднее. Было не объяснимо: не страшнее, именно тяжелее, словно каждый взгляд требовал усилия. Он

сделал шаг и неожиданно остановился. Нет... Это было не усталостью, он вдруг поймал себя на странной мысли. Ещё минуту назад он совершенно отчётливо помнил... о чём думал после испытания. Теперь...не мог вспомнить. Он нахмурился, попытался вернуть мысль, она ускользнула, будто её никогда не существовало. Лисандр усмехнулся.

— Нервы...Наверное.

Но улыбка вышла какой-то чужой.

В это же самое время...далеко по другую сторону древнего города...Дамон вдруг остановился без причины, Каллиста тоже, Аристей удивлённо оглянулся.

— Что случилось?

Никто не ответил, потому что никто не понимал. Им одновременно показалось...что стало тише внутри них самих. Будто исчез какой-то привычный звук, который сопровождал человека всю жизнь, но какой именно...никто не смог бы объяснить.

Филимон медленно посмотрел вперёд. Он хотел что-то сказать, даже открыл рот и вдруг понял...что забыл слово. Самое обычное. Такое простое, что невозможно забыть. Он вспомнил его спустя мгновение, но по спине уже пробежал холод. Старик ничего не сказал, только крепче сжал посох. Впервые за всё путешествие он почувствовал не опасность-опасность понятна, он почувствовал...необъяснимую потерю. Хотя никто ещё ничего не лишился. Именно это пугало больше всего.

Лисандр долго стоял неподвижно, потом сделал шаг, ещё один. Проход оказался совсем коротким, но чем дальше он шёл, тем сильнее менялось само ощущение пространства. Казалось, стены начали отдаляться, потом снова становились ближе. Иногда ему чудилось, что проход изгибается. Через несколько шагов он понимал: нет, он всё это время идёт совершенно прямо.

Он глубоко вдохнул и снова почувствовал странную пустоту. Воздух оставался без запаха, без вкуса, без жизни. Словно его вообще не существовало.

Лисандр невольно оглянулся. Позади никого. Только длинный проход. Он попытался вспомнить лицо Дамона- получилось сразу, потом лицо Каллисты- тоже, Филимон, Аристей -все были на месте. Он даже усмехнулся собственной тревоге.

— Совсем крыша поехала...

Тихо сказал он. Эхо не ответило.

Он продолжил идти. Неожиданно впереди открылся небольшой внутренний двор совершенно пустой, посреди него росло одно высохшее дерево. Настолько древнее, что кора давно стала похожа на камень, на ветвях не было ни одного листа, но почему-то Лисандр сразу понял: оно не умерло. Оно...просто перестало жить.

Он медленно подошёл ближе. На стволе были вырезаны очень старые слова, некоторые буквы почти исчезли. Лисандр провёл по ним ладонью. Камень оказался неожиданно

тёплым. Он прочитал вслух:

— Каждый... уносит...отсюда...меньше...чем принёс.

Он ещё раз посмотрел на надпись. Что-то ему не давало покоя, будто...раньше здесь было написано больше. Он попытался вспомнить. Долго всматривался в стёртые борозды. Нет. Не получалось. Мысль всё время ускользала, он не мог сосредоточиться, словно кто-то очень осторожно стирал её прямо у него из головы. Лисандр нахмурился.

— Да что со мной сегодня...

Он закрыл глаза, попытался сосредоточиться- не помогло. Тогда он тихо рассмеялся.

— Хорошо. Победили. Не помню — значит, не помню.

Он сделал ещё один шаг и вдруг...совершенно отчётливо понял одну странную вещь. Он не мог вспомнить...цвет глаз своей матери. Лисандр резко остановился. Сердце болезненно ударило в грудь.

— Нет...Этого не может быть.

Он зажмурился, попытался представить её лицо, волосы. Улыбку, руки, голос...Голос он помнил, улыбку тоже, но глаза... Их больше не существовало. Словно кто-то очень аккуратно вырезал именно эту деталь из всех воспоминаний. Он судорожно вдохнул., ощутил страх не перед смертью, не перед чудовищами, не перед богами. Он испугался самого себя, потому что понял, если исчезли глаза...,значит завтра может исчезнуть голос, потом улыбка, потом...сама мать. И однажды он уже не сможет вспомнить человека, которого лю-

бил всю жизнь. Стояла абсолютная тишина, но было отчётливо понятно, новое испытание уже началось и оно не собиралось спрашивать его согласия. Лисандр ещё долго стоял возле высохшего дерева. Пальцы всё ещё лежали на шероховатой коре, он вновь попытался представить лицо матери теперь уже спокойно, без паники, без отчаяния. Только проверит: улыбка-Да, небольшая родинка возле виска-Да, тонкие пальцы-Да. Он даже вспомнил, как она смеялась, прикрывая ладонью рот, но глаза...перед ним снова возникала только пустота- не тьма, не размытое пятно, именно отсутствие. Словно этого никогда не существовало. Он резко убрал руку от дерева.

— Нет...Не ты...Не сейчас...

Он говорил уже не дереву. Самому себе.

Где-то совсем рядом послышался детский смех, Лисандр мгновенно обернулся. Площадь была пуста. Он замер, потом усмехнулся.

— Всё. Начинается.

Он пошёл дальше, каждый новый шаг давался тяжелее предыдущего, не потому что устал, а потому что внутри росло странное ощущение, будто кто-то очень терпеливо перелистывал страницы его жизни, не читая их -выбирая. Через несколько минут он увидел воду. Совсем небольшой круглый каменный бассейн. Поверхность была настолько гладкой, что больше походила на отполированное серебро. Ни одной волны, ни одного отражения: даже самого Лисандра.

Он осторожно подошёл ближе. Вода оставалась пустой, словно отказывалась признавать существование любого человека. На самом краю бассейна лежала самая обычная белая маленькая раковина. Такие дети собирают на берегу моря. Лисандр машинально поднял её и в ту же секунду услышал голос внутри. Голос звучал совсем тихо:

— Помнишь?

Он вздрогнул, голос был знаком до боли. Он слышал его тысячи раз в детстве: перед сном, во время болезни, когда боялся грозы. когда впервые убежал из дома. Голос матери. Совсем рядом.

— Помнишь?

Лисандр судорожно сжал раковину.

— Помню...

Шёпотом ответил он, но голос не исчез.

— Тогда...скажи...какого цвета были мои глаза?

Мир остановился. Он открыл рот. Ответ уже был готов, он был совсем рядом. Нужно было только произнести его. Голубые...Нет. Зелёные...Нет...Серые...Нет... Ответ рассыпался прежде, чем успевал родиться. Лисандр почувствовал, как внутри поднимается ледяной ужас. Он знал всё, кроме одного, и именно это одно оказалось самым важным.

— Прости...

Едва слышно произнёс он. Вода в бассейне впервые дрогнула, по зеркальной поверхности очень медленно разошлись круги, будто сама память пыталась удержаться ещё хотя бы

несколько мгновений. И.. всё стихло.

Раковина стала неожиданно тяжёлой, так тяжёлой, что Лисандр больше не смог удерживать её в ладони. Она выскользнула, упала в воду. Не раздалось ни всплеска, ни звука. Раковина просто исчезла, словно её никогда не существовало и вместе с ней... Лисандр вдруг понял, что больше не может вспомнить голос своей матери. Он помнил, что она говорила, помнил её песни, помнил колыбельную, но сам голос...исчез совсем. Он стоял неподвижно, не плакал, даже не пытался вернуть потерянное. Где-то глубоко внутри он уже понял страшную истину: Дорога ничего не спрашивает, она просто приходит...и однажды забирает то, что считает своей ценой. И никто...не может выбрать вместо неё.

Лисандр ещё долго стоял возле неподвижной воды. Ему казалось, стоит закрыть глаза...и голос вернётся. Он ждал минуту, другую, третью, но тишина оставалась такой же пустой.

Он медленно выдохнул.

— Значит...это уже нельзя вернуть.

Ответа не последовало, наверное, именно молчание оказалось самым страшным. Если бы кто-то сейчас рассмеялся, если бы раздался древний голос, если бы стены заговорили: Он бы ещё мог спорить, но тишина не спорила. Она просто существовала и этим была страшнее любых слов.

Лисандр осторожно пошёл дальше. Теперь каждый шаг звучал необычно глухо, будто камень под ногами стал мяг-

че или...будто сам звук не хотел жить в этом месте. Он перестал считать время, перестал смотреть назад, даже страх изменился. Раньше страх всегда смотрел вперёд. Теперь...он жил внутри.

Проход неожиданно закончился и перед Лисандром открылась длинная галерея. По обеим сторонам стояли десятки каменных изваяний: не богов, не царей, обычных людей-старики, матери с детьми, молодые воины, ремесленники, рыбаки. Все они были высечены настолько искусно, что казались живыми. Только лица...у всех отсутствовали лица. Их просто...никогда не было. Гладкий камень там, где должны были быть глаза, где должна была быть улыбка, где должен был жить человек. Лисандр медленно прошёл между статуями. Каждая из них вызвала странное чувство. Будто он уже встречал этих людей когда-то очень давно, но никак не мог вспомнить где.

Посреди галереи лежала небольшая каменная плита совершенно пустая, только в самом центре была выбита одна строка. Лисандр наклонился- «Человек умирает дважды. Первый раз — когда перестаёт дышать. Второй...когда его перестают помнить.» Он долго смотрел на эти слова, потом неожиданно прошептал:

— Значит...вот чего ты боишься больше всего...

Он даже не понял, к кому обращается. К себе, к неизвестному создателю дороги или...к тому, кто наблюдал за ним с самого начала пути.

Неожиданно одна из статуй тихо треснула. Совсем негромко. По гладкому камню, где должно было находиться лицо, медленно побежала тонкая трещина, потом ещё одна, и ещё. Лисандр остановился. Трещины складывались во что-то знакомое. Через несколько секунд камень начал осыпаться совсем понемногу, словно статуя вспоминала себя. И тогда...из-под серого слоя показалось человеческое лицо. Лисандр вздрогнул. Перед ним стоял...он сам. Не сегодняшний, совсем молодой, тот самый мальчишка, который когда-то впервые украл кошелёк на шумном рынке. Тот, кто ещё смеялся легко, не задумывался о будущем, не видел смерти, не терял друзей, не спорил с богами. Лицо смотрело на него спокойно, потом...улыбнулось и очень тихо спросило:

— Если бы ты мог начать сначала...ты снова сделал бы первый шаг?

Лисандр не ответил. Он неожиданно понял, что вопрос гораздо сложнее, чем кажется. Если сказать «нет»..., значит, признать, что вся его жизнь была ошибкой. Если сказать «да»..., значит, согласиться со всеми смертями, которые уже произошли, со всеми потерями. со всей болью. Он медленно опустил голову, перед глазами вспыхнули лица: торговец, у которого он украл кошелёк, первая ночь в открытом море, буря, Каллиста, Дамон, Аристей, Филимон. Каждый новый шаг что-то забирал.

— Отвечай.

Тихо сказал юноша.

— Или дорога ответит за тебя.

Лисандр поднял глаза. Теперь он смотрел не на отражение. На самого себя. И впервые за всё путешествие не стал искать красивых слов.

— Нет.

Юноша едва заметно улыбнулся.

— Нет?

— Нет. Я бы...не сделал первый шаг.

Наступила тишина такая долгая, что Лисандр уже решил — он ошибся, но молодой Лисандр не исчез, наоборот, подошёл ещё ближе.

— Почему?

Лисандр медленно выдохнул.

— Потому что...тогда... я ещё ничего не понимал, я шёл за золотом, за славой, за удачей, за очередной красивой историей.

Он горько усмехнулся.

— А теперь знаю...что каждый шаг имеет цену. И если начинать сначала..., я сделал бы его иначе. Не ради золота, не ради легенды, ради людей..., которые теперь идут рядом со мной.

Юноша долго молчал, потом неожиданно спросил:

— Значит...ты всё равно пошёл бы?

Лисандр посмотрел ему прямо в глаза и спокойно ответил:

— Да. Но уже другим человеком.

В эту секунду лицо юного Лисандра впервые стало серьёз-

ным. Он медленно кивнул, совсем как учитель, который наконец услышал правильный ответ.

— Теперь...можешь идти дальше.

— Это и был правильный ответ?

Юноша покачал головой.

— Нет. Правильных ответов не существует. Есть только ответы...после которых человек способен жить дальше.

С этими словами его фигура начала медленно рассыпаться в свет. Он исчезал спокойно, будто никогда не был отдельным человеком. Будто всё это время являлся той частью самого Лисандра., которая наконец перестала бояться собственного прошлого. Когда последний отблеск растворился в воздухе...каменная стена позади статуи тихо дрогнула.

Где-то глубоко внутри древнего города раздался едва слышный щелчок. Первый. Лисандр медленно обернулся. На этот раз...дорога действительно решила впустить его дальше.

Каменная стена дрогнула ещё раз на этот раз сильнее. Глухой звук прокатился где-то глубоко внутри горы, словно тысячи огромных каменных шестерён впервые за многие века начали медленно проворачиваться. Лисандр не двигался, он смотрел, как серебряный диск всё глубже уходит внутрь круглой выемки. Не падал, не проваливался- его словно принимал сам камень. Последний отблеск серебра исчез и наступила совершенная тишина. Даже собственное дыхание показалось слишком громким.

— Всё?..

Тихо произнёс Лисандр. Ответом стал едва слышный скрип. Прямо перед ним гладкая стена начала расходиться. Две идеально ровные каменные плиты медленно разъезжались в стороны, щель становилась всё шире. Из неё не вырывался свет, не тянуло холодом, оттуда веяло...необычной свежестью. Так пахнет море ранним утром, когда ещё никто не успел потревожить воду. Лисандр сделал осторожный шаг вперёд. За стеной открывался огромный зал. Он был настолько велик, что противоположная сторона терялась в полумраке. Высокие колонны уходили куда-то под самый свод. Их было сотни, нет...тысячи. Каждая колонна была высечена в виде человеческой фигуры: мужчины, женщины, дети, воины, мореплаватели. Все они поддерживали на своих плечах каменный потолок., будто целый народ навеки остался держать собственный город. Лисандр медленно вошёл внутрь. Его шаги эхом разносились по пустому пространству. Каждый звук возвращался десятками отражений. Но...город уже не казался пустым, теперь он казался...ожидающим. Он чувствовал это почти физически, словно тысячи невидимых глаз внимательно наблюдали за каждым его движением. Он поднял голову, на самом дальнем конце зала возвышалось что-то огромное. Пока невозможно было рассмотреть. Лишь тёмный силуэт, очень высокий, похожий одновременно и на дворец...и на гору.

— Значит...ты действительно существуешь...

Почти шёпотом сказал Лисандр и в эту секунду за его спиной раздался глухой удар. Он резко обернулся. Каменные плиты, через которые он только что вошёл, медленно начали сходить, Лисандр бросился назад-поздно. Проход сомкнулся так же бесшумно, как и открылся. Он оказался совершенно один и в тот же миг...где-то далеко под каменными плитами города...что-то изменилось. Очень глубоко. Там, куда не доходил человеческий взгляд. Открылись древние шлюзы. Первый. Потом второй. Потом третий. За ними тысячи лет неподвижно стояла морская вода. Она не хлынула сразу, она лишь сделала первый осторожный вдох, будто сама бездна просыпалась после бесконечного сна. И где-то в толще скалы прозвучал низкий, протяжный гул. Пока еще не страшный, но от этого звука по всему подземному городу начали едва заметно вибрировать колонны. С потолка медленно осыпалась каменная пыль.

Далеко позади...там, где всё ещё находились Дамон, Каллиста, Филимон и Аристей... каждый одновременно почувствовал одно и то же. Земля под ногами перестала быть неподвижной. Она... дышала полной грудью.

Гул продолжал нарастать, Теперь его слышал уже не только Лисандр. Он чувствовал его ногами. Камень едва заметно дрожал, так дрожит палуба корабля перед тем, как огромная волна ударит в борт. Он медленно поднял голову. Одна из колонн...сдвинулась, именно...повернулась на толщину ладони, раздался тяжёлый скрежет, потом ещё один. Сле-

дом повернулась соседняя, потом третья. Лисандр застыл. Весь зал...оживал. Колонны двигались одна за другой медленно, неотвратно, словно огромный каменный организм расправлял затёкшие мышцы после тысячелетнего сна.

— Нет...

Тихо прошептал он. Это был не храм, это была...машина. Где-то далеко раздался оглушительный удар такой силы, что воздух буквально вздрогнул, следом второй, третий. Из глубины сводов посыпались обломки. Огромная плита сорвалась сверху. Лисандр инстинктивно бросился вперёд. Камень рухнул позади с таким грохотом, что дрогнул весь зал, по полу побежали трещины. Они расходились правильными линиями, как будто кто-то невидимый чертил на камне гигантскую карту.

Лисандр уже бежал, город перестраивался прямо сейчас и человек внутри этой перестройки был всего лишь случайной помехой. Позади вновь прогремел удар, обернувшись всего на мгновение, он увидел невероятное: колонны медленно смыкались, целые улицы исчезали, проход, через который он только что вошёл, больше не существовал и на его месте выросла сплошная каменная стена, будто дороги никогда не было.

— Филимон...

Прошептал Лисандр. Он вдруг понял, остальные всё ещё где-то внутри и город уже начал отрезать их друг от друга.

В этот самый миг...совсем в другой части подземного го-

рода...Дамон резко поднял голову. Пол под ногами вздрогнул. Перед ним с грохотом опустилась огромная каменная плита. Она отсекала обратную дорогу, а затем...вторая плита опустилась впереди. Каллиста мгновенно выхватила кинжал. Бесполезно. Перед ними не было врага. Врагом становился...сам город. Аристей бросился к закрывающемуся проходу- Не успел. Каменные блоки сомкнулись буквально в ладони от него. Он ударил по ним кулаком, камень даже не дрогнул.

— Лисандр!

Закричал он. Ответа не было. Город уже разделил их.

В этот же момент Лисандр услышал новый звук. Звук был совсем другой: не камень, не грохот, не обвал. Это был...шум воды, пока ещё далёкий, но любой моряк узнаёт его мгновенно. Так звучит море, когда начинает двигаться целая бухта. Лисандр остановился всего на секунду, этого оказалось достаточно. Под его ногами с треском разошлась мостовая. Из глубокой чёрной трещины вверх ударил ледяной солёный воздух.

И где-то в непроглядной глубине...что-то огромное...сделало первый вдох.

Первый вдох закончился, наступила тишина. Такая глубокая, что Лисандр слышал собственное сердце. Раз....Два....Три и вдруг...весь город одновременно замер. Не только колонны, не только стены, даже пыль, медленно падавшая со сводов, словно застыла в воздухе. Мир задержал дыхание,

будто ждал..., что произойдёт дальше.

Из непроглядной глубины донёсся второй вдох. На этот раз...намного ближе. Он был почти неслышным, но от него по каменным плитам побежала едва заметная дрожь, не толчок. Скорее...отклик.

И произошло то, чего Лисандр никак не ожидал. Тысячи каменных фигур, державших на плечах своды древнего города...одновременно...опустили головы в знак покорности. Никто их не оживлял, никто ими не управлял, они не стали людьми. Они остались камнем, но весь этот бесконечный каменный народ...словно склонился перед тем, кто только что проснулся.

Лисандр почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Кто...ты?..

Ответа не было, только третий вдох теперь уже совсем рядом. Где-то далеко за спиной тяжело ударил огромный колокол. Один раз, потом второй, третий. Каждый удар был настолько низким, что воздух начинал дрожать. Лисандр машинально посмотрел вверх. Под самым сводом вспыхнул слабый голубоватый огонь. Через несколько секунд загорелись сотни древних светильников. Впервые за тысячу лет свет стремительно побежал по улицам, по площадям, по крышам домов, будто сам город просыпался. Но этот свет не приносил спокойствия. Он был похож на сигнальный огонь крепости, которая заметила врага. И тогда город начал закрываться молниеносно, в спешке, хаотично.

С грохотом сверху сорвалась огромная бронзовая решётка. Она ударилась о мостовую так, что из камня вырвались искры, следом захлопнулась другая, потом третья. По всему городу одна за другой падали древние заслоны. Целые улицы исчезали за каменными перегородками. Дворцы отделялись друг от друга, площади превращались в ловушки. Это уже не было перестройкой. Это была...изоляция. Город пытался разделить самого себя, будто отсекал всё, куда ещё мог проникнуть тот, кто проснулся.

Лисандр стоял неподвижно. Теперь он понял, все испытания..., все ловушки, все дороги...были построены вовсе не для того, чтобы не пустить людей внутрь. Они существовали, чтобы никто...никогда...не смог открыть этот путь снова.

— Мы...не первые...

Прошептал он. Эта мысль ударила сильнее любого обвала. Кто-то уже приходил сюда очень давно и сумел закрыть это место ценой собственной жизни.

В этот момент четвёртый вдох превратился...в рёв. Не звериный, не человеческий, так не может звучать ни одно живое существо. Это был звук, от которого сами камни начали трескаться. По ближайшей колонне побежала глубокая трещина, следом дрогнул весь зал. И только теперь...из темноты, из тех самых древних шлюзов, которые только что открылись, с чудовищной силой рванулась первая настоящая волна. Она неслась не как обычная морская вода. Она будто преследовала. Будто знала, куда должен бежать человек. Ли-

сандр понимал: если он остановится хотя бы на одно мгновение...его уже не похоронит город. Его настигнет то, чьё пробуждение этот город пытался предотвратить тысячу лет.

Пока Лисандр бежал по древнему городу...

...совсем в другой части подземного лабиринта...камень уже перестал различать своих и чужих. Город закрывался неумолимо. Каждый удар древнего механизма менял улицы, проходы исчезали, лестницы обрывались. Целые площади складывались одна в другую, словно огромная невидимая рука переставляла весь город.

— Быстрее!

Крикнула Каллиста.

Её голос утонул в очередном грохоте. Перед ними рухнула огромная колонна, высотой с корабельную мачту. Камень ударился о мостовую. Пол пошёл волнами. Аристей не успел. Он только поднял голову...и понял, что сверху падает ещё один многотонный обломок свода. Увернуться было невозможно.

— АРИСТЕЙ!

Закричала Каллиста, но первым сорвался с места Дамон.

Аристей ещё не успел понять, что происходит. Дамон увидел всё сразу. Он даже не крикнул, не позвал, не предупредил. Его тело двинулось раньше, чем успела появиться мысль. Через одно мгновение он уже стоял между падающим камнем и другом, будто другого места для него никогда не существовало. Он обеими руками встретил удар. Мир взо-

рвался болью, казалось, будто на плечи одновременно рухнула вся гора, но Дамон продолжал стоять не потому, что мог удержать эту тяжесть, потому, что за его спиной находился Аристей. И пока билось сердце... камень не должен был пройти дальше.

Удар оказался чудовищным, колени мгновенно ушли в мостовую. Каменная пыль взметнулась вверх. Дамон закричал не от страха, от напряжения. Жилы на его руках вздулись, кровь выступила из-под ногтей. Камень продолжал давить медленно, неумолимо. Он чувствовал, как его плечи начинают разрываться, как будто тело вот-вот треснет пополам.

— Беги...

Прохрипел он.

— Я...держу...

Аристей не двинулся.

— Даже не думай!

— Беги!!

Крик превратился почти в рёв. Камень начал продавливаться ещё ниже. Из уголка рта Дамона тонкой струйкой потекла кровь.

Филимон стоял рядом. Он видел всё. Каждую секунду. И впервые за всё путешествие понял страшную вещь -Он ничем не может помочь. Слишком стар, слишком слаб, никакая мудрость сейчас не удержит этот камень, никакие знания не заменят молодые руки. Он медленно сделал шаг вперёд.

Потом ещё один. Совсем спокойно.

— Дамон...Теперь отпусти.

Все одновременно повернули головы.

— Что?

Старик посмотрел на него удивительно спокойно.

— Если город требует жизнь...пусть возьмёт мою. Я прожил достаточно. Вы ещё нет.

Каллиста резко схватила его за руку.

— Замолчите!

— Послушай...

— Нет!

— Каллиста...

— Я сказала НЕТ!

В этот момент...она вдруг увидела...нечто странное совсем рядом, почти под самым полом между двумя разошедшимися плитами, едва заметную голубую полосу света. Настолько тонкую, что любой другой человек принял бы её за трещину. Каллиста сама не поняла, почему остановилась, что-то заставило её посмотреть именно туда, странное ощущение, будто этот проход уже однажды существовал в её памяти. Хотя она была уверена —видеть его раньше она не могла. Она мгновенно поняла. Это не свет. Это...воздух откуда-то извне. Она буквально бросилась на колени, просунула руку, потом вторую. Камень был подвижным.

— Здесь!

Закричала она.

— Здесь проход!

Дамон уже почти ничего не слышал, руки дрожали, плечи горели огнём. Мир начал темнеть.

— Аристей!

Каллиста сорвала голос.

— Помоги мне!

Старик вдруг посмотрел не на щель..., а на потолок, потом на стену, потом на плиту под ногами. Он неожиданно прошептал:

— Не туда...

Все одновременно обернулись.

— Что?

— Это не дверь.

Каллиста раздражённо посмотрела на него.

— Сейчас не время для загадок!

— Это...противовес.

Аристей собрал все свои силы и обрушил на него удар. Ещё. Ещё. И вдруг...что-то внутри древнего механизма щёлкнуло. Плита резко ушла вниз, перед ними открылся узкий проход. Настолько узкий, что человек едва мог протиснуться.

— Дамон!!

Тот уже почти падал. Аристей буквально выдернул его из-под многотонной глыбы. В следующую секунду камень с оглушительным грохотом рухнул вниз. Если бы они задержались ещё хотя бы на одно дыхание...от Дамона не осталось

бы ничего. Он лежал на холодном полу, тяжело дыша. Руки продолжали дрожать сами собой, он попытался подняться, не смог. Аристей молча подставил плечо помогая другу. Каллиста посмотрела на старика и тихо сказала:

— Нет... Это ещё не конец. Я чувствую... Лисандр жив. И он где-то впереди.

Глава 26 ТРОН МОРСКОГО БОГА

Иногда тишина страшнее любого крика, особенно если ещё мгновение назад рушился целый город. Особенно если за спиной ревело море, особенно если вдруг... всё исчезло.

Лисандр остановился. Он даже не сразу понял, что перестал бежать. Под ногами больше не дрожала земля, позади не гремели падающие колонны, не было ни шума воды, ни треска камня, ни собственного тяжёлого дыхания, словно весь мир остался где-то далеко позади. Он медленно поднял голову. Перед ним простирался зал. Нет даже слово «зал» казалось слишком маленьким. Это была гигантская естественная пещера, настолько огромная, что её своды терялись в темноте. Скала не выглядела обработанной рукой человека. Здесь не было привычной симметрии храмов, не было колоннад, созданных архитекторами. Казалось, сама земля когда-то раскрылась, обнажив сердце мира. В воздухе стоял запах соли. Не свежего моря, а древнего. такого, который мог сохраниться лишь там, где время перестало что-либо значить.

Прошло несколько секунд. И где-то высоко... загорелся первый голубой огонь, потом второй, потом третий. Один за другим вдоль стен начали вспыхивать древние светильники. Они не горели пламенем, внутри каждого мерцал мяг-

кий холодный свет, похожий на сияние глубин. Он медленно полз по камню, освещая то, что до этого скрывала тьма. Лисандр сделал ещё шаг и остановился снова. Перед ним тянулись...троны. Десятки, нет...сотни. Они располагались полукругом, поднимаясь уступами всё выше и выше, словно огромный амфитеатр. Каждый был высечен из другого камня: белого, чёрного, зелёного, красноватого. Некоторые покрывали трещины. Другие были расколоты надвое. Многие почти рассыпались от времени. Но каждый когда-то принадлежал кому-то: не царю, не человеку -целому народу, целому царству. Лисандр медленно шёл между ними. На основаниях сохранились надписи. Большинство были стёрты, другие невозможно было прочесть, некоторые состояли из знаков, которых он никогда прежде не видел. Это были имена- Имена городов, имена государств, имена цивилизаций. Настолько древних, что даже память о них давно исчезла из человеческого мира.

Он вдруг понял: перед ним находилась не сокровищница-перед ним была...летопись погибших морских царств. Каждый пустой трон означал один исчезнувший мир. И тогда Лисандра пронзила простая мысль. Талласия...не была первой и даже не последней. Она оказалась лишь одной страницей огромной книги, которую море писало тысячи лет.

Он медленно повернулся. В самом конце этого бесконечного полукруга возвышался ещё один трон. Совсем другой: не самый роскошный, не самый большой, но рядом с ним все

остальные казались лишь бледными тенями. Он был высечен из единого куска чёрной скалы настолько древней, что её поверхность казалась живой. На подлокотниках не было золота, не было драгоценных камней, только волны, высеченные настолько искусно, что казалось, они продолжают двигаться. Лисандр долго смотрел. Трон...был пуст. Почему-то именно это испугало его сильнее всего. Он не ожидал увидеть Посейдона, но почему-то теперь ощущал..., что хозяин просто вышелненадолго, и может вернуться в любую минуту. По огромной пещере снова прокатилось эхо. Не шагов, не голоса того самого... медленного вдоха. Теперь он звучал иначе: не угрожающе, почти спокойно, будто тот, кто проснулся, уже знал, что человек наконец дошёл туда, куда его вели все испытания.

Лисандр медленно перевёл взгляд с пустого трона на бесконечные ряды разрушенных престолов. Он стоял с недопонимание, мысли метались в его голове, он не мог подобрать слов. Спустя мгновения он все же осознал: он искал золото, а оказался...в месте, где когда-то решалась судьба целых цивилизаций и где, возможно, она ещё не закончилась...

Лисандр медленно пошёл между пустыми престолами. Он уже не считал их, после первых десятков смысл исчез. Их было слишком много, каждый следующий заставлял думать лишь об одном. Когда-то...здесь сидели люди, они смеялись, спорили, праздновали победы, строили корабли, любили, верили, что их город простоят вечно. Теперь...от них остался

только камень и пустое место.

Чем дальше он шёл, тем сильнее менялось само ощущение времени. Здесь не было паутины, не было пыли, не было запаха разрушения. Наоборот, казалось, будто всё вокруг продолжало ждать. Не людей, не богов, а памяти. Лисандр неожиданно остановился возле одного из престолов. Он был совсем маленьким, почти скромным. На подлокотнике сохранился отпечаток человеческой ладони, словно человек только что поднялся и вышел ненадолго. Лисандр осторожно коснулся камня. Он оказался тёплым. От неожиданности он резко убрал руку. Тёплым. После тысячи лет. Это было невозможно. Он медленно обернулся, теперь ему казалось, что весь этот бесконечный зал смотрит на него не глазами, а самым молчанием. Иногда молчание бывает тяжелее любого обвинения. Потому что в нём нет злости, только память. Именно сейчас Лисандр впервые почувствовал не страх. Это было совсем другое чувство, ранее неизвестное ему — стыд. Он вдруг понял, что пришёл сюда как вор. Думал о золоте, о богатстве, о кораблях, о свободе, а оказался... среди могил не отдельных людей, целых народов.

Он невольно снял капюшон, потом медленно опустился на одно колено. Он сам не понимал, зачем он так поступил. Он долго молчал. Потом очень тихо произнёс:

— Простите...

Эхо не ответило, но почему-то именно после этих слов воздух вокруг словно стал легче.

В этот миг по залу пронёсся слабый ветер. Откуда здесь мог появиться ветер, Лисандр не понимал. Он был настолько лёгким, живым, и лишь едва коснулся лица. На каждом пустом престоле что-то дрогнуло. Не сами троны. На их спинках лежали тонкие белые раковины. Сотни. Тысячи. Они одновременно негромко зазвенели, словно откликнувшись на морской бриз. Получился удивительный звук, будто тысячи людей одновременно очень тихо выдохнули. Лисандр замер. Он больше не чувствовал себя одиноким. Ему казалось, что весь этот огромный зал слышит каждое его движение.

Он медленно поднялся и теперь заметил, что пустой трон Посейдона находится значительно выше остальных. Не потому, что был главным, потому, что от него начинались все лестницы, все дорожки, все проходы, каждый трон, каждая площадка, каждый уступ этого гигантского зала, словно подчинялись одному единственному месту - Не человеку, не царю. Закону.

Лисандр долго смотрел вверх. Потом почти шёпотом сказал:

— Значит... они приходили сюда...не за властью. Они приходили...за судом.

И в этот момент, где-то высоко под сводами, раздался звук, совсем не похожий ни на обвал, ни на дыхание пробудившегося древнего существа. Это были...шаги. Медленные, тяжёлые, спокойные. Будто кто-то, кому совершенно некуда спешить, начал спускаться к пустому трону.

Шаги не стихали. Лисандр долго вслушивался в их размеренный ритм, пока неожиданно не понял странную вещь. Они никогда не становились ближе и никогда не удалялись, будто само пространство не позволяло определить расстояние. Он медленно перевёл взгляд под ноги. Каменные ступени, ведущие к вершине, были отполированы до гладкости. Не временем, не водой - их стёрли бесчисленные поколения ног. Тысячи. Десятки тысяч. Столетия за столетиями кто-то поднимался по этой лестнице. Лисандр поднял голову, теперь весь зал открылся ему иначе. Он больше не видел отдельных тронов, он видел одну бесконечную дорогу. Каждый престол оказался лишь остановкой на пути истории. Одни государства жили столетиями, другие исчезали через несколько поколений, но в конце их путь неизменно приводил сюда -К этому месту, к этим ступеням, к этому молчаливому камню. Он вдруг ясно понял то, чего ещё несколько минут назад не мог даже представить. Ни один город не приходил сюда просить богатства, ни один правитель не поднимался к этому трону ради власти. Сюда приходили тогда, когда уже понимали цену собственной гордыни. И почти всегда...слишком поздно. Лисандр почувствовал, как по спине пробежал холод. Перед ним находилась не сокровищница, и не храм. Перед ним было место, где заканчивались эпохи. Он медленно провёл ладонью по ближайшему трону. Камень оказался удивительно тёплым, будто память обладала собственной жизнью. Ни одной надписи, ни одного име-

ни, лишь гладкая поверхность, отполированная временем. И вдруг Лисандр понял ещё одну странность - Никто не пытался сохранить эти имена, их не высекали заново, не восстанавливали, не оплакивали. Они исчезали так же неизбежно, как исчезали сами царства, словно здесь существовал древний закон. Когда море забирает город... оно забирает и право помнить о его величии. Лисандр медленно поднял взгляд на вершину лестницы. Пустой трон возвышался над всеми остальными. Он не выглядел троном победителя, он выглядел местом судьи и именно поэтому оказался единственным, которого не коснулось разрушение. В эту секунду шаги прекратились так резко, что наступившая тишина показалась почти оглушительной. Лисандр задержал дыхание, теперь он отчётливо слышал другое. Не звук - присутствие. Словно сам воздух стал плотнее, словно весь огромный зал ожидал чего-то вместе с ним. Голубые огни, освещавшие лестницу, едва заметно дрогнули не от ветра, от силы, происхождение которой невозможно было объяснить. И тогда... впервые за всё время, Лисандр почувствовал не страх и не благоговение, он ощутил себя маленьким. Настолько маленьким, насколько человек может почувствовать себя лишь однажды в жизни — когда впервые понимает, что история мира существовала задолго до него и спокойно продолжится после.

Именно в этот миг над пустым троном медленно поднялась тонкая завеса морского тумана из самого камня.

Она поднималась беззвучно, словно место, молчавшее ты-

сячелетиями, наконец готовилось открыть свою первую тайну.

Туман продолжал подниматься медленно, без единого порыва. Он не расползлся по залу, он собирался, словно невидимые руки осторожно придавали ему форму. Лисандр не мог отвести взгляд, ему казалось, что ещё немного...и перед ним появится человек. Но ничего подобного не произошло, наоборот, чем гуще становился туман, тем отчётливее становилось видно...что внутри него ничего нет. Ни силуэта, ни лица, ни тела- Лишь пустота: странная, бездонная, почти невозможная. И именно она пугала сильнее любого чудовища.

Время словно остановилось, Лисандр не понимал, прошло одно мгновение или целый час. Туман медленно поднялся ещё выше...и вдруг разделился не в стороны, а вниз, будто перед кем-то, кого невозможно увидеть, почтительно расступались придворные. Перед пустым тронем открылся проход, он вёл прямо к последней ступени. И больше...никуда.

Лисандр не сделал ни шага. Что-то внутри него сопротивлялось. Не страх- инстинкт тот самый, который тысячелетиями спасал человека раньше, чем он успевал понять опасность. Всё его существо кричало: **не иди.**

И тогда...раздался звук совсем тихий, будто маленький камешек случайно покатился по ступеням, потом ещё один, ещё. Лисандр опустил взгляд. На самой верхней ступени ле-

жала...капля воды. Она медленно скатилась вниз, следом появилась вторая, третья. Через несколько секунд вода уже текла по лестнице тонкими прозрачными ручьями. Не сверху. Она рождалась...из-под трона. Лисандр почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он видел множество источников: подземные реки, горные ручьи, родники, но никогда...вода не появлялась из камня, в котором не было ни единой трещины.

Ручьи становились шире. Они неторопливо стекали по ступеням, обтекая каждую из них, словно прекрасно знали дорогу. И только теперь Лисандр заметил то, чего раньше не видел. На каждой ступени были высечены символы: очень древние, настолько древние, что язык давно исчез, а сами знаки остались. Вода проходила по ним...и каждый символ начинал мягко светиться. Не все сразу. Один, потом следующий, потом ещё один, будто кто-то медленно читал древний текст, используя вместо пальца...само море.

Он не понимал написанного, но странным образом чувствовал смысл. Это не было предупреждением, не было угрозой и не было приветствием. Это было...условие. Не записанное словами -Высеченное в самом устройстве этого места.

Последний знак вспыхнул ярче остальных. И сразу после этого...вода остановилась. Она застыла: каждая капля, каждая струя, будто само море...задержало дыхание.

И в наступившей тишине Лисандр отчётливо услышал...как кто-то очень медленно опустился на пустой трон.

Но трон... по-прежнему оставался пуст.

Тишина не нарушалась. Казалось, само время остановилось, ожидая того, что должно произойти. Лисандр продолжал смотреть на пустой трон, ничего не происходило и именно это ожидание оказалось страшнее любого испытания. Потом...из рассечённой ладони сорвалась одна капля крови. Он даже не почувствовал этого. Капля медленно упала на гладкий камень первой ступени и коснулась прозрачной воды. Круги разошлись совершенно бесшумно, но весь огромный зал...словно услышал этот звук. Голубые огни одновременно вспыхнули ярче, раковины на пустых престолах вновь тихо зазвенели -так звучит море, когда ветер впервые касается его перед рассветом.

Лисандр невольно сделал шаг назад. Он не понимал, что происходит. Вода не растекалась, она жила собственной жизнью. Медленно, будто подчиняясь невидимой руке, она поднялась по ступеням обратно вверх, туда, откуда только что стекала. И там, где вода проходила, один за другим начали загораться древние знаки. Лисандр не мог прочесть ни одного. Но странным образом понимал, что это не слова. Это были...имена тех, кто однажды уже стоял здесь. Огни вспыхивали один за другим. Потом...остановились. Оставался последний знак -самый верхний. Он долго не загорался. Лисандр уже решил, что ничего не произойдёт и вдруг... последний символ вспыхнул ослепительно белым светом. настолько ярким, что ему пришлось закрыть глаза. Когда свет

исчез, на ступенях больше не было ни воды, ни знаков. Будто их никогда не существовало, лишь на чёрном камне остался тонкий след. Не кровавый, не водяной: серебристый. Он тянулся от первой ступени...к самому трону. Лисандр поднял голову, его сердце стучало так громко, что он почти не слышал собственного дыхания. И тогда...раздался звук: глухой, низкий. Так звучит гора, если внутри неё начинает двигаться целый мир. Трон не дрогнул, не раскололся, не исчез. Он медленно...начал опускаться без рывков, без скрежета, словно всегда должен был это сделать. Вместе с ним вниз уходила часть скалы. Чёрный камень расходился, открывая то, что тысячи лет было скрыто под этим залом. Из глубины поднялся холодный солёный воздух. Он пах не морем. Он пах...вечностью.

Лисандр сделал шаг вперёд, потом ещё один. Он подошёл к самому краю открывшейся бездны и впервые увидел...свет. Золото отражало его тысячами бликов, словно под землёй взошло собственное созвездие. Лисандр замер.

Нет... это было не сокровище. Это было нечто настолько огромное, что человеческий разум отказывался сразу принять увиденное. Из глубины медленно поднимался свет погибших миров и именно туда, куда веками не ступала нога смертного, начала уходить лестница.

Лисандр глубоко вдохнул. Он ещё не знал, что через несколько минут перестанет быть тем человеком, который когда-то вошёл на Дорогу Испытаний.

Он сделал первый шаг вниз.

Глава 27 СОКРОВИЩА ПОГИБШИХ ЦАРСТВ

Лестница уходила всё ниже. Чем глубже спускался Лисандр, тем слабее становился голубой свет, оставшийся наверху, но полной темноты не наступало. Где-то впереди рождалось другое сияние: тёплое, золотистое. Оно не вспыхивало, не мерцало, оно спокойно существовало, будто светило здесь уже тысячи лет. Лисандр осторожно спустился ещё на несколько ступеней, потом ещё, лестница неожиданно закончилась. И он замер.

Перед ним открылось пространство, настолько огромное, что разум отказывался сразу принять увиденное. Это была не сокровищница, не зал, не подземная пещера, перед ним лежал...целый мир.

Далеко впереди тянулись каменные настоящие причалы, возле них неподвижно стояли корабли: десятки, сотни. Одни были совсем небольшими, другие возвышались, словно плавающие дворцы. Их паруса давно истлели. Но корпуса... словно только вчера сошли со стапелей. Дерево не сгнило, бронза не покрылась зеленью, даже канаты сохранили форму. Время здесь не остановилось. Оно...просто перестало иметь власть.

Справа поднимались бесконечные ряды статуй. Лисандр

медленно проходил мимо. Он не узнавал ни одного лица и именно это поражало сильнее всего. Ведь когда-то эти люди считали, что их будут помнить вечно. Теперь... не осталось даже имени.

Дальше стояли колесницы, троны, музыкальные инструменты, мечи, шлемы, знамёна, какие-то странные механизмы, назначение которых Лисандр даже не мог представить.

Целые библиотеки каменных табличек, тысячи свитков, бережно уложенных в бронзовые футляры. Всё, что море когда-либо забирало у людей...оказалось здесь. Не уничтоженным. Сохранённым.

Лисандр медленно осмотрел вокруг, развернулся:

— Да быть того не может...

прошептал он.

Ответом стала тишина. Он сделал ещё несколько шагов и вдруг остановился возле огромной мраморной статуи. У неё отсутствовала голова. Лисандр задумчиво посмотрел наверх. Потом усмехнулся.

— Ну...хоть кому-то удалось потерять голову...раньше меня.

Его собственный смешок неожиданно эхом прокатился под гигантскими сводами.

Он даже немного смутился.

— Простите...Не удержался. Слишком уж тихо у вас.

Тишина снова приняла его шутку и именно это почему-то успокоило. Лисандр глубоко вдохнул, потом совершенно се-

рьёзно посмотрел вокруг.

— Знаешь...если это только прихожая... мне уже страшно представить, что хозяин считает настоящим богатством.

Он шагнул дальше и только теперь...увидел золото. Оно лежало повсюду так естественно, словно было обычным строительным камнем. Колонны украшали литые золотые пояса. Лестницы были отделаны золотыми пластинами, на палубах древних кораблей стояли золотые якоря. В нишах между статуями покоились золотые маски. Никто не складывал его в одном месте, потому что здесь... оно никогда не было главной ценностью.

И Лисандр неожиданно тихо рассмеялся.

— Вот теперь...я начинаю понимать, почему Посейдон не любит гостей...

Он сделал ещё один шаг и даже не подозревал, что настоящее сокровище, ради которого погибали целые царства, ещё даже не открылось его глазам.

Лисандр присел возле огромного золотого якоря, провёл пальцами по холодному металлу. Тот оказался удивительно чистым. На нем не было ни зелени, ни соли, ни следов времени. Он тихо присвистнул.

— Если бы мои старые знакомые увидели это...они бы передрались ещё до того, как решили, как всё это вынести.

Он усмехнулся самому себе, потом осторожно попробовал приподнять якорь. Даже не шелохнулся.

— Вот поэтому... я никогда не любил работать честно -

слишком тяжело.

Он рассмеялся. И снова его голос разлетелся под гигантскими сводами. Но теперь... эхо вернулось не сразу, будто само пространство сначала прислушалось и только потом повторило его смех совсем тихо, почти неузнаваемо. Лисандр нахмурился.

— Ладно... это уже становится странным.

Он поднялся, пошёл дальше, и вдруг остановился. Посреди огромного зала, между колоннами, лежала гора золотых монет. Настолько огромная, что её вершина скрывалась в полумраке. Любой человек бросился бы туда. Любой. Лисандр тоже сделал шаг, потом второй, потом...замер. Что-то было неправильно. Он долго смотрел. На золоте...не было ни единого следа, вообще, ни человеческой ноги, ни руки, ни царапины. Словно за тысячи лет к нему никто ни разу не прикоснулся- даже море. Он медленно присел, поднял одну монету: тяжёлая, настоящая. На одной стороне был изображён неизвестный царь, на другой... волна: совсем простая. Лисандр перевернул её ещё раз, потом неожиданно улыбнулся.

— Значит...ты тоже решил,что сумеешь договориться с морем...

Он положил монету обратно и вдруг...заметил, что рядом лежат ещё сотни таких же; тысячи, десятки тысяч, и каждая...отчеканена разными государствами, разными эпохами, разными народами. Но...все они заканчивались одинаково-здесь. Он медленно выпрямился, теперь золото выглядело

совсем иначе: не богатством- памятником, немой исповедью тех, кто однажды решил, что золото можно поставить выше моря.

— Выходит...ты ничего не собирал...

тихо сказал Лисандр, оглядывая бескрайнее подземелье.

— Они сами всё принесли...

Эта мысль ударила неожиданно, настолько неожиданно, что он даже перестал улыбаться. Если это правда... значит, никто никогда не грабил погибшие города. Люди сами, до последнего, спасали золото. Не детей, не книги, не память, именно золото. А море...просто принимало их последний выбор. Лисандр долго молчал, неожиданно усмехнулся совсем по-своему.

— Забавно...Всю жизнь мечтал найти клад, а оказалось...клад давно нашёл людей.

Он уже хотел идти дальше, но вдруг его взгляд зацепился за предмет, который совершенно не вписывался в окружающее великолепие. Среди золота, мрамора, бронзы и драгоценных камней, на простом каменном постаменте, лежал...старый деревянный сундук. Совсем небольшой, потемневший от времени, без золота, без украшений, без замков. Словно тот, кто оставил его здесь, хотел, чтобы мимо него прошёл каждый, кто ослепнет от сияния сокровищ. И почему-то именно к этому невзрачному сундуку Лисандр почувствовал непреодолимое желание подойти. Не к золоту, именно к нему.

Лисандр подошёл к деревянному сундуку. Чем ближе он подходил, тем сильнее тот казался чужим среди окружающего великолепия. Вокруг возвышались золотые колонны, мерцали драгоценные камни, на мраморных постаментах покоились короны исчезнувших царей, даже бронзовые шлемы были украшены серебром. И только этот сундук...будто кто-то специально поставил здесь вещь, не имеющую никакой ценности. Лисандр невольно усмехнулся.

— Вот ты-то мне и нравишься...

Он осторожно провёл ладонью по крышке. Пыль не поднялась. Дерево оказалось сухим, тёплым, словно его сделали совсем недавно.

— Ну что...посмотрим, из-за чего тебя спрятали среди такого богатства.

Он медленно поднял крышку. Никакого скрипа, будто сундук сам ждал этого мгновения. Внутри...не было золота, не было драгоценностей, не было оружия. Только один предмет, аккуратно завернутый в выцветшую тёмно-синюю ткань. Лисандр нахмурился.

— И это всё?

Он осторожно развернул ткань. На его ладони оказался небольшой предмет размером не больше человеческого кулака. На первый взгляд он был совершенно неприметным, матово-серый, без драгоценных камней, без золота, без каких-либо украшений. Он напоминал кусок гладкого камня, отполированного морем. Только...слишком правильной

формы. Лисандр медленно перевернул его. И замер. На обратной стороне проступал знак -три переплетённые волны. Точно такие же, какие были высечены на подлокотниках пустого трона наверху. Он долго смотрел на символ. Потом негромко присвистнул.

— Значит...ты отсюда...

Ответа, конечно, не последовало, но впервые за всё время пребывания в этом подземном мире Лисандр почувствовал странное беспокойство. Именно...нежелание этого места отпускать предмет, словно всё вокруг, вплоть до неподвижного воздуха, на одно короткое мгновение перестало быть безразличным. Он осторожно положил находку обратно в ткань. Закрыв сундук и сделал шаг назад.

— Нет...слишком просто.

Он ещё раз посмотрел вокруг, несметные богатства лежали буквально под ногами. Любой человек начал бы набивать карманы золотом, но Лисандр неожиданно поймал себя на мысли, что золото перестало его интересовать. Он снова посмотрел на неприметный деревянный сундук. И тихо произнёс:

— Нет...ты здесь не потому, что самый дорогой. Ты здесь потому, что самый опасный...

Эта мысль повисла в воздухе. Именно в этот момент, далеко позади, там, где начиналась лестница, послышался едва различимый звук. Будто кто-то...очень осторожно коснулся камня. Лисандр резко обернулся, весь огромный зал снова

замер. Но теперь он уже точно знал: он больше не один.

Лисандр не двигался. Рука сама собой легла на рукоять меча. Он не собирался сражаться, просто так было спокойнее. Зал снова погрузился в прежнюю тишину: такую глубокую, что собственное сердце казалось слишком громким. Он медленно сделал несколько шагов в сторону лестницы. Никого. Пусто. Лишь голубые огни продолжали неподвижно гореть вдоль стен. Лисандр ещё некоторое время всматривался в темноту. Потом усмехнулся.

— Стареешь... Скоро собственной тени пугаться начнёшь.

Он уже хотел отвернуться. И вдруг... заметил это. На гладком каменном полу, там, где ещё мгновение назад ничего не было, лежала... морская раковина. Совсем маленькая, белая. Такая же, как те, что украшали пустые троны наверху. Он нахмурился. Когда он проходил здесь несколько минут назад, её точно не было. Лисандр осторожно поднял раковину. Она оказалась холодной. как вода на большой глубине. Он медленно перевернул её. Внутри тонкой иглой были выцарапаны всего два слова - **Не бери**. Лисандр долго смотрел на надпись. Потом негромко фыркнул.

— Очень своевременно.

Он оглянулся на сундук, потом снова на раковину.

— Если бы ты лежала здесь раньше... было бы гораздо убедительнее.

Он положил раковину обратно, но сделал это небрежно, словно отказывался принимать всерьёз подобные предупре-

ждения. Несколько секунд он молчал, потом вновь подошёл к сундуку, остановился, улыбнулся той самой улыбкой, из-за которой когда-то половина торговцев Эгейского моря теряла деньги, а вторая половина — здравый смысл.

— Знаешь... всю жизнь замечал одну странную вещь. Если кто-нибудь очень настойчиво говорит: «не трогай»... значит, внутри обязательно лежит что-то интересное.

Он снова раскрыл крышку, бережно поднял свёрток. И в этот момент... все голубые огни в огромном зале одновременно погасли, будто кто-то одним движением закрыл ладонью весь свет. Подземный мир погрузился в абсолютную темноту. Лисандр застыл и теперь понял, что совершил.

Где-то далеко, в самой глубине огромного подземелья, медленно... раздался первый удар. Что-то древнее, будто огромное сердце, спавшее тысячи лет, вновь сделало первый удар, второй, третий. Лисандр крепче сжал свёрток. И впервые за всю жизнь ему захотелось вернуть вещь обратно, но было уже поздно. Потому что весь зал... проснулся.

Глава 28 - КРАЖА ВЕКА

Второй удар оказался сильнее первого. Не громче - глубже. Казалось, он пришёл не из глубины подземелья, а из самого камня, на котором стоял Лисандр. Потом последовал третий и вместе с ним... дрогнул весь зал. Не так, как дрожит земля перед обвалом, иначе, будто исполинское существо, спавшее под толщей скал тысячи лет, медленно открыло глаза. Лисандр замер. Он ещё не понимал почему, но почувствовал это раньше, чем увидел. Что-то... изменилось. Голубые огни, горевшие вдоль бесконечных рядов престолов, начали мерцать. Один, потом другой. Потом сразу все. Они не гасли, они...словно дышали. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. И с каждым новым ударом невидимого сердца их свет становился холоднее.

Лисандр медленно обернулся, пустой трон по-прежнему возвышался над всем залом, но теперь казалось, что сам мрак вокруг него стал плотнее, будто свет не мог коснуться этого места. Лисандр крепче прижал к себе свёрток.

— Спокойно...

тихо сказал он самому себе.

— Ты уже выбирался и не из таких историй...

Он сделал шаг к выходу и услышал...каплю. Совсем рядом. Он остановился, капля упала снова, но...сверху ничего не текло. Лисандр медленно опустил взгляд. На идеально

гладком чёрном камне лежала маленькая лужица. Её здесь не было мгновение назад.

Она медленно дрожала. Потом... ещё одна появилась рядом, и ещё. Они возникали прямо из камня: без трещин, без источника, будто сама скала начала отдавать воду. Лисандр нахмурился.

— Не нравится мне это...

Лужицы медленно поползли друг к другу, соединились, стали шире. Потом ещё и ещё. Через несколько секунд по полу уже текла тонкая прозрачная плёнка не больше толщины ножа. Она двигалась бесшумно. И только тогда Лисандр понял то, от чего его тело пронзило страхом. Она текла...не вниз. она текла...к нему. Он сделал шаг назад, Вода повторила его движение. Ещё шаг и снова она не догоняла, не спешила, она просто... неотступно следовала за ним. Лисандр побежал, резко свернул между древними престолами, поток тоже изменил направление. Ни одной лишней капли, ни одного всплеска- только безупречное, спокойное движение, словно вода уже знала каждый его следующий шаг. Он остановился, и вода...остановилась.

Прошла секунда, другая. Третий удар сердца прокатился по залу. И тогда поверхность воды начала медленно подниматься -не волной, не фонтаном. Она искала форму, сначала показалось человеческое плечо, оно сразу рассыпалось, потом возникла огромная ладонь-растворилась. Через мгновение вода стала похожа на разбитый нос древней триеры.

Потом — на колонну, потом — на лицо старика, потом — на череп морского зверя. Ни один облик не существовал дольше мгновения, будто сама стихия перебирала бесчисленные воспоминания. Искала...какой облик принять. Лисандр смотрел, не в силах отвести глаз. Он понял....Это не существо менялось. Это море...вспоминало.

Лисандр не сразу понял, что происходит. Вода перестала искать форму. Она...остановилась, замерла, будто наконец приняла решение. В следующее мгновение весь огромный зал содрогнулся: не от удара, от присутствия. Так иногда чувствуют землетрясение животные ещё до того, как дрогнет земля. Воздух стал тяжелее, каждый вдох давался с усилием. Лисандр сделал ещё один шаг назад и только тогда увидел...тень. Нет, не тень- отражение. Вода отражала то, чего в зале не существовало. По каменному полу скользил силуэт огромной фигуры. Но стоило поднять голову...там ничего не было -лишь пустота. Он снова посмотрел вниз. Отражение продолжало двигаться медленно, неотвратно. Оно приближалось. Лисандр резко развернулся.

— К чёрту...

И побежал.

Первый пролёт лестницы он преодолел одним рывком, второй почти перепрыгнул. Своды подземелья ответили тяжёлым гулом и сразу же...за его спиной ожили престолы -не сами троны, а воздух вокруг них. Белые морские раковины одновременно зазвенели, но теперь их звук больше не напо-

минал шёпот. Это был...сигнал: древний, тревожный. Будто тысячи сторожевых башен одновременно передавали одну и ту же весть- **«Украдено.»** От этого звона кровь застыла в жилах. Казалось, его услышал весь подземный мир. Лисандр не оборачивался, он понимал главное: что бы ни двигалось за ним...оно не бежит, ему не нужно бежать.

Он вылетел на длинную каменную галерею. Впереди показался проход, через который он вошёл сюда.

— Отлично...ещё немного...

В этот миг вся галерея резко качнулась, раздался сухой каменный треск. Перед самым носом Лисандра огромная плита медленно поднялась из пола, полностью перекрывая дорогу. Он едва успел остановиться. Из глубины подземелья донёсся новый удар. Бум... Каменная стена дрогнула, по ней побежали трещины, не разрушаясь, меняясь. Лисандр отступил. Ещё одна плита поднялась уже позади, потом третья, четвёртая. Галерея... начала перестраиваться. Словно весь этот исполинский город внезапно решил, что человек больше не знает дороги наружу.

Лисандр почувствовал, как внутри поднимается почти детская злость.

— Ах вот как?!

Он ударил кулаком по ближайшей стене.

— Решили запереть?! Издеваетесь?!

Ответом стало молчание и новый удар огромного сердца. Бум... Вода за его спиной снова зашевелилась, но теперь...о-

на уже не искала форму. Она её... вспоминала. На мгновение Лисандр увидел человеческий силуэт: Высокий, неподвижный, совершенно чёрный без лица. Следующая вспышка голубого света... и силуэт исчез. Осталась только вода.

Лисандр медленно отступил. Он вдруг понял страшную вещь- это существо не приближалось, это...сам город разворачивался к нему лицом, каждая лестница, каждая колонна, каждый проход, каждая капля воды. Всё огромное подземное царство перестало быть местом оно стало...частью одного целого.

И в тот момент Лисандр произнёс без тени улыбки:

— Афина...Если ты действительно всё это время наблюдала за мной...то сейчас...самое время подсказать дорогу...

Лисандр стоял неподвижно. За его спиной медленно поднималась живая вода.Впереди одна за другой вырастали каменные стены.

Он впервые за долгое время не видел выхода, потому что сам город больше не хотел его показывать. Он медленно закрыл глаза от отчаяния.

— Ну...

тихо усмехнулся он.

— Если уж решил меня оставить...оставляй красиво.

Наступила тишина, даже огромное сердце подземелья будто на мгновение перестало биться и вдруг...совсем рядом послышалось тихое: **тук...**

Лисандр открыл глаза. На каменном полу лежала малень-

кая белая раковина. Она сама собой медленно качнулась, потом...ещё раз, будто кто-то едва заметно подтолкнул её. Раковина повернулась и замерла. Её острый край смотрел в узкий боковой проход, которого секунду назад Лисандр готов был поклясться, здесь не существовало.

Он нахмурился.

— Совпадение...

Раковина снова качнулась теперь сильнее, будто отвечая. Лисандр сделал осторожный шаг, и услышал...едва различимый взмах крыльев. Он резко поднял голову. Высоко...почти под самым сводом, на мгновение мелькнул знакомый силуэт- бронзовый, совсем маленький. Он не кружил, не ждал, не смотрел на него. Лишь один раз пролетел над новым проходом...и растворился в темноте. Лисандр невольно улыбнулся. Совсем краешком губ.

— Спасибо...

Он не знал, кому сказал это слово; Афине, птице, или самому себе. Но времени думать уже не осталось, позади слышался новый удар тяжелого и спокойного шага, такого, от которого содрогнулся весь проход. Лисандр не стал оборачиваться, он бросился туда, куда указала раковина. В ту же секунду место, где он только что стоял, накрыла живая вода. Она не ударила, она просто...коснулась камня и гранит, который тысячи лет не могла разрушить морская соль, начал исчезать, растворяться, будто времени вдруг позволили пройти через него сразу тысячелетием. Лисандр почувство-

вал, как холод пробежал по позвоночнику. Он понимал: это существо не убивает, оно...стирает. Стирает всё, что оказывается на его пути: камень, дерево, железо, память. Словно само море возвращает миру первоначальный вид, в котором никогда не существовало ни городов, ни храмов, ни людей. Это было очень страшно, потому что впервые ему показалось: если эта живая стихия коснётся человека...после него не останется даже воспоминания.

Он рванул вперёд, мысли исчезли, осталось только дыхание и шаги. Быстрее. Ещё быстрее. Позади не было ни плеска, ни рёва, ни ударов. Лишь странная, почти невозможная тишина. Она приближалась вместе с ним. Лисандр резко свернул вправо. Проход был свободен ещё мгновение назад. Прямо на бегу каменная стена перед ним потемнела, по ней медленно пробежала влажная тень. И гранит...стал водой: не раскололся, не осыпался. Его просто...не стало.

Лисандр едва успел оттолкнуться от стены. Живая толща бесшумно заняла весь проход. Он бросился обратно. Слева ещё один коридор. Прыжок. Два шага, три

Под ногами громко треснул камень. Он машинально обернулся и увидел, как исчезает дорога, по которой он только что пробежал. Камень медленно таял и становился прозрачным, словно его вымывали тысячи лет, хотя прошло всего одно дыхание. Через мгновение...там уже плескалась спокойная морская вода, будто никакой дороги никогда не существовало.

Лисандр побежал ещё быстрее. Следующий поворот. Опять вода - она не догоняла, она...оказывалась впереди, словно знала, куда он сделает следующий шаг. Он прыгнул через узкую трещину, позади остался каменный мостик. Едва его ноги коснулись противоположной стороны- мост исчез. Он буквально растворился.

Под ним сразу открылась чёрная глубина, в которой медленно закружились тяжёлые водовороты. Лисандр судорожно втянул воздух, он понимал — это не погоня., это...охота, но охотник не преследовал добычу, он отрезал ей будущее.

Каждый путь, который оставался за спиной, переставал существовать. Каждый следующий поворот становился последним. И вдруг Лисандр осознал ещё более страшную вещь: Живая вода не пыталась схватить его, она вовсе не интересовалась человеком, она лишь...возвращала всё, к чему прикасалась: морю, камень, лестницы, колонны, дороги. Мир вокруг медленно переставал быть сушей. И если однажды очередь дойдёт до него...значит, он тоже станет частью бездонной тишины, словно никогда не рождался. В этот миг впереди, совсем далеко, донёсся чей-то крик. Не эхо -живой голос. Лисандр не разобрал слов. Но теперь он понял: он больше не один.

Голос прозвучал снова теперь ближе, совсем рядом, но слова всё ещё тонули в бесконечном эхе древнего подземелья. Лисандр резко остановился.

Он больше не пытался понять, откуда доносится крик. Ин-

стинкт подсказывал другое: любой звук здесь мог оказаться ловушкой. Он медленно поднял взгляд.

Проход впереди неожиданно расширился. Узкий каменный коридор выводил к огромной круглой площадке. Пол был выложен гладкими плитами, отполированными так, словно тысячи лет назад по ним ежедневно ходили люди.

Теперь здесь не осталось никого, только тишина. Лисандр осторожно ступил вперёд. Первый шаг, второй, третий...И в этот миг плита под его ногами стала прозрачной. Она просто перестала быть камнем.

Под сапогами медленно заколыхалась чёрная вода. Лисандр инстинктивно отпрыгнул, туда, где только что была твёрдая поверхность, но её уже не существовало. Следующая плита исчезла так же бесшумно, потом ещё одна.

Круг постепенно сжимался неторопливо, неумолимо, не оставляя ни единого безопасного места. Теперь он увидел это целиком- Страж не преследовал человека, он стирал саму возможность спасения. Каждый новый шаг Лисандра сокращал пространство вокруг него, каждый вдох делал круг всё меньше.

Он вдруг понял страшную закономерность: вода никогда не ошибалась, на не пыталась угадать, куда он побежит, она уже знала, будто сам выбор человека возникал лишь после того, как Закон уже принял решение.

Лисандр стиснул зубы.

— Нет...Не дождётесь.

Он сорвался с места, теперь не убегая, а ломая собственный ритм, резко меняя направление, прыгая через две, три плиты сразу, возвращаясь назад, сворачивая туда, куда сам секунду назад не собирался идти.

На одно короткое мгновение ему показалось, что это сработало. Живая вода впервые замедлилась. Всего лишь на мгновение. Этого хватило. Он перепрыгнул через широкий разрыв, покатился по холодному камню, вскочил. И сразу услышал человеческий голос совсем отчётливо.

— Лисандр!

Не эхо, не наваждение- Дамон.

В следующее мгновение из бокового прохода почти одновременно выбежали Каллиста, Аристей и Филимон. Все четверо замерли. Они увидели то, что заставило их забыть обо всём.

Позади Лисандра не было ни чудовища, ни волны, ни зверя. К нему медленно приближалось само море. Оно приближалось со всех сторон одновременно, но заполняло каждый проход, каждую трещину, каждую ступень, Будто огромный подземный мир постепенно вспоминал, что когда-то целиком принадлежал воде.

Филимон побледнел.

Филимон побледнел. Он смотрел не на Лисандра, не на воду. Куда-то...сквозь неё. Губы старика едва заметно дрогнули.

— Нет...

Почти беззвучно произнёс он.

— Такого...не может быть...

Никто не понял, о чём он говорит, но спрашивать уже было некогда, живая вода продолжала наступать: спокойно, неумолимо, без единого всплеска. Она уже почти коснулась края площадки... когда над гигантским залом неожиданно прокатился тяжёлый гул, будто где-то далеко, за пределами человеческого мира, столкнулись два огромных бронзовых щита. Удар был всего один, но его услышал весь подземный дворец. Даже камень, казалось, вздрогнул. И тогда произошло невозможное. Живая вода...остановилась. Она просто замерла, словно само течение времени на одно короткое мгновение перестало существовать. Никто не шевелился. Лисандр не понимал, что произошло. Филимон поднял голову. В его глазах впервые за всё путешествие появилось настоящее, глубокое изумление

Он медленно прошептал:

— Кто-то...только что...попросил море подождать... Всего...одно сердце.

Тишина длилась меньше вдоха, но этого оказалось достаточно. Лисандр первым сорвался с места.

— Бежим!

И словно услышав его, живая вода вновь пришла в движение, теперь быстрее, гораздо быстрее, будто потерянное мгновение она собиралась вернуть сполна.

Вода больше не текла, она училась. Каждый следующий

поворот, который выбирал Лисандр, она уже не повторяла. Она предугадывала, она больше не пыталась догнать. Она возникала там, где они должны были оказаться через несколько ударов сердца.

— Налево!

крикнул Лисандр.

Вся команда одновременно бросилась в узкий проход, но едва Аристей оказался внутри, стена впереди вдруг медленно потемнела, камень задышал и начал исчезать. Проход закрывался самим морем.

— Назад!

закричал Филимон.

Поздно. Позади уже поднималась такая же живая толща. Они оказались заперты. Не было ни выхода, ни укрытия - лишь круг холодного камня, который с каждым мгновением становился всё меньше. Каллиста быстро огляделась. Её взгляд скользил по стенам, по трещинам, по полу. Она ничего не искала, она слушала. И вдруг резко подняла руку.

— Тише...

Все замерли. Где-то...совсем глубоко, едва различимо, раздавался странный шум -будто море дышало...через камень. Каллиста медленно подошла к стене, закрыла глаза, коснулась ладонью холодной скалы и прошептала:

— Здесь...

Лисандр ничего не понял.

— Что здесь?

Она не ответила, только провела рукой ниже, потом ещё ниже. И вдруг ударила кулаком в совершенно гладкую плиту. Глухо. Пусто. Совсем не так, как отзывался остальной камень.

Филимон поднял голову. В его глазах вспыхнуло понимание.

— Полость...Это не скала...

Он даже не договорил, Дамон уже оказался рядом. Он не задавал вопросов, просто упёрся обеими руками в стену. Мышцы вздулись, жилы на шее натянулись, словно канаты - камень не шелохнулся, лишь тихо застонал.

Живая вода была уже совсем рядом. Она не ускорялась. Ей некуда было спешить, она знала, что добыча больше не уйдёт. Дамон стиснул зубы, камень снова застонал. Из-под основания посыпалась каменная пыль, но этого было недостаточно. Лисандр, вдруг молча рядом уперся плечом. Следом —Аристей, потом Каллиста, даже Филимон, едва державшийся на ногах, опёрся ладонями о холодную стену. Пять человек-Одно усилие. И тогда...в глубине древнего механизма что-то негромко щёлкнуло. Словно замок, который ждал этого прикосновения многие века. Вся каменная плита медленно ушла внутрь. Из темноты повеяло холодом. Перед ними открылся совсем узкий проход, будто его строили вообще не для людей. Но в эту секунду выбирать уже было некогда, потому что позади живая вода не остановилась у границы камня. Она...перешагнула её не волной, не потоком. Из

бесформенной толщи медленно начала подниматься фигура: высокая, лишённая лица, сотканная из самой глубины моря. Она не имела глаз, но каждый понял: она смотрит на них. Среди друзей никто уже не сомневался: это была не вода.

Это был...исполнитель Закона.

Лисандр последним нырнул в узкий проход. Каменные стены сомкнулись вокруг него так тесно, что плечи почти касались холодной скалы. Он инстинктивно обернулся. Живая вода уже подошла вплотную. Ещё мгновение... и она должна была захлестнуть проход, но этого не произошло. Толща моря остановилась. Не ударилась о невидимую преграду. Не отступила. Она просто...замерла, словно перед ней проходила граница, которую она не имела права пересечь. Никто не осмелился пошевелиться, даже дыхание стало слишком громким. В этот Лисандр впервые увидел Стража...таким, каким его невозможно было увидеть прежде. У воды не оказалось лица, не оказалось тела, не оказалось глаз. Вся исполинская масса вдруг начала непрерывно изменяться.

На одно короткое мгновение в ней проступило лицо глубокого старика и сразу исчезло, следом возник разбитый корабль, разломанный надвое чудовищной волной, потом — рука, уходящая в чёрную глубину. Мелькнуло испуганное детское лицо. Женщина, прижимающая к груди младенца. Воин, до последнего не выпускающий копья. Огромная львиная пасть, разрушенный храм, горящий маяк. Бесконечная череда образов сменяла друг друга так быстро, что челове-

ческий глаз уже не успевал различать их. Они рождались... и исчезали. Словно сама память мира на одно мгновение всплыла из морской бездны, а потом...вода снова стала просто водой.

Стало очевидно, что страж никогда не принимал облик. У него вообще не существовало собственного лица. Каждый, кто смотрел на него, видел лишь то, что боялся потерять больше всего. Поэтому моряки рассказывали о чудовищах, воины —о непобедимых врагах, старики —о собственной смерти. Каждый был уверен, что видел одно и то же.

Но Закон не показывал человеку себя. Он показывал... самого человека. Филимон медленно опустился на колени. Старик смотрел на неподвижную воду так, будто только сейчас сумел понять тайну, над которой размышлял всю жизнь.

— Значит... тихо произнёс он, все легенды были правдивы... И все...ошибались.

Живая толща ещё несколько мгновений неподвижно стояла у входа. Потом... медленно опустилась без поражения, без гнева, без сожаления, как воин, исполнивший всё, что позволял ему Закон. И только тогда подземелье вновь погрузилось в тишину, настолько глубокую, что каждому показалось, будто он слышит собственное сердце.

Лисандр медленно разжал ладонь. В ней по-прежнему лежал свёрток. Тяжёлый, тёплый, тот самый, из-за которого проснулся Закон Моря. Никто не произнёс ни слова, все понимали одно -Они ещё не спаслись, они лишь вынесли из

владений Посейдона то, что никогда не должно было покинуть его трон.

Лисандр медленно разжал ладонь, ткань бесшумно раскрылась. На ней лежал гладкий тёмный камень-ничего необычного: никаких драгоценных камней, никакого золота. Только три переплетённые волны, высеченные так тонко, что казалось, они продолжают медленно двигаться. Несколько долгих мгновений никто не произносил ни слова.

Лисандр поднял взгляд.

— И из-за этого... за нами пришёл сам Закон?

Ответа не последовало. Каллиста не сводила глаз с камня, её лицо медленно теряло цвет. Она сделала шаг назад, потом ещё один, будто расстояние между ней и этим маленьким камнем вдруг стало важнее собственной жизни.

Лисандр впервые увидел её такой: не растерянной, не удивлённой- испуганной, беззащитной по-настоящему.

— Каллиста... Что это?

Она долго молчала настолько долго, что Лисандр уже решил: ответа не будет. Наконец её губы едва заметно шевельнулись.

— Это...

Она сглотнула.

— Печать Моря.

Тишина стала ещё глубже, даже Филимон поднял голову. Он смотрел на камень так, словно узнал старого врага, которого надеялся никогда больше не встретить. Лисандр на-

хмурился.

— Печать? И только? Странно...Я ведь даже не хотел её брать. Я просто...не смог пройти мимо.

Каллиста медленно покачала головой.

— Нет...

Она сделала ещё один шаг назад от камня.

— Её...нельзя было забирать.

Больше она ничего не сказала, да и не было нужно. В подземной тишине эти слова прозвучали страшнее любого пророчества. Лисандр снова посмотрел на гладкий камень. Несколько мгновений назад он казался ему всего лишь странной находкой, теперь... он впервые почувствовал его вес. И этот вес измерялся уже не камнем, а тем, что могло последовать за его поступком.

Где-то далеко... там, за толщей древних скал, едва слышно шумело море, оно больше не преследовало их. Оно... ждало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.